

Тульская Старина.

Кто не желаетъ знать своего
Отечества,
Тотъ не достоинъ называться
его сыномъ.

Издание Тульского Историко-археологического
Товарищества.

Подъ редакціей Старшины Товарищества

Н. И. Троицкаго.

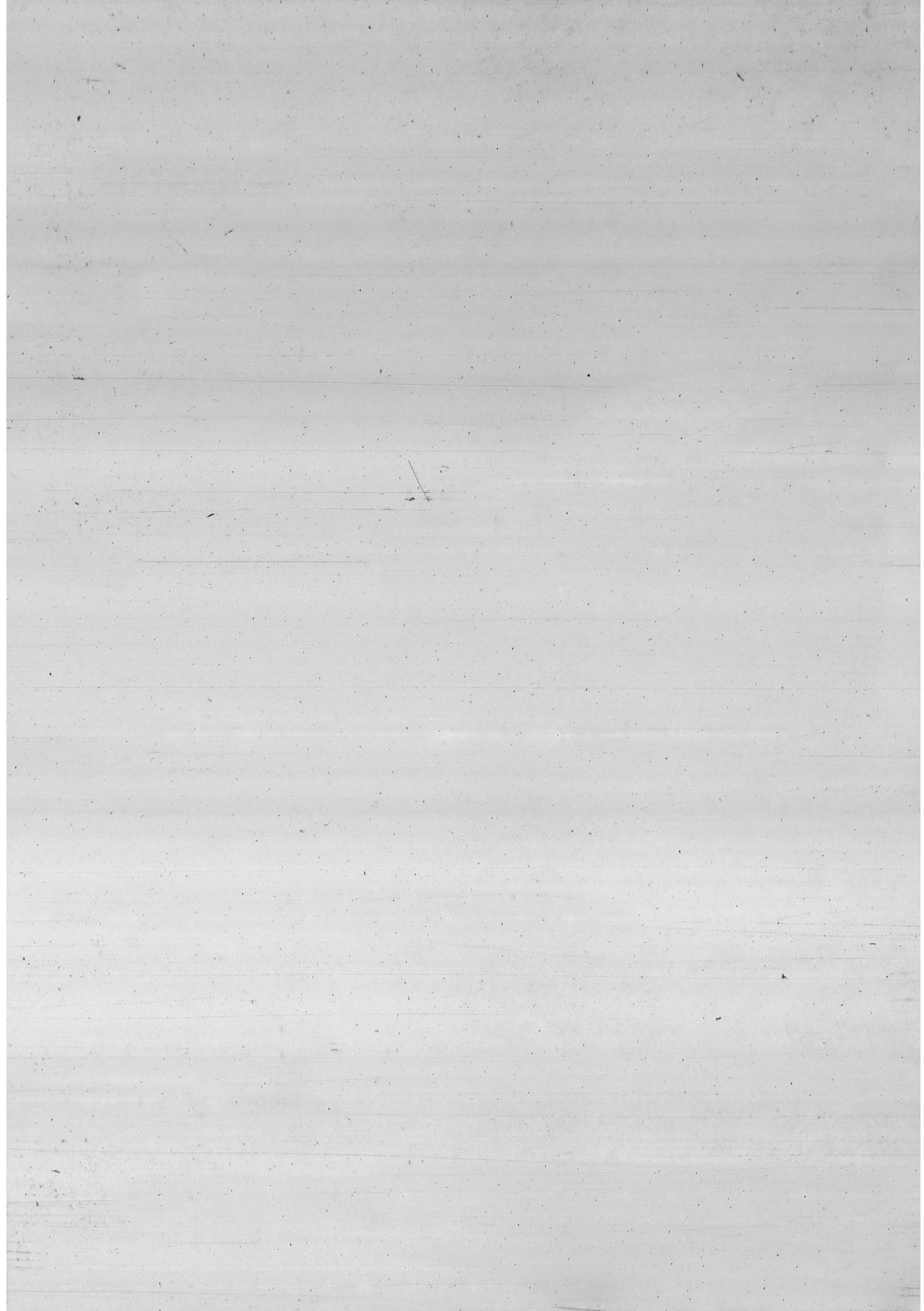
8.

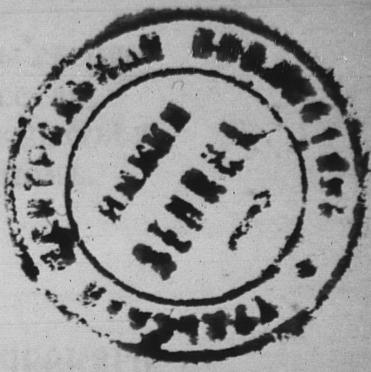

т у л а.

Типографія И. Д. Фортунатова, Кіевская ул., д. Платоновыхъ.

1901.

ТУЛЬСКАЯ СТАРИНА.

38297

14482

5
AUGUST 1970
LAWRENCE BERKELEY NATIONAL LABORATORY

Тульская Старина.

Кто не желаетъ знать своего
Отечества,
Тотъ не достоинъ называться
его сыномъ.

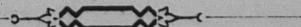
Издание Тульского Историко-археологического
Товарищества.

Подъ редакціей Старшины Товарищества

Н. И. Троицкаго.

8.

Т У Л А.

Типографія И. Д. Фортунатова, Киевская ул., д. Платоновыхъ.

1901.

Содержание.

- 1) Единовѣріе, его возникновеніе и сущность. (По поводу столѣтія существованія единовѣрія въ Русской Церкви). *Д. И. Скворцова*.—Стр. 1—21.
- 2) Два городка на рѣкѣ Шатѣ. *Н. П. Покровского*.—Стр. 21—29.
- 3) Село Лаптево-Ростиславо и его храмы (Тульскаго уѣзда). *А. Грудинина*.—Стр. 30—39.

Единовѣріе, его возникновеніе и сущность.

(По поводу столѣтія существованія единовѣрія въ Русской Церкви).

Д. И. Скворцова.

27 Октября 1900 г. исполнилось ровно сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда истинный сынъ Церкви и ревнитель православія, Императоръ Павелъ Петровичъ своимъ именнымъ указомъ утвердилъ такъ называемыя правила единовѣрія, какъ основанія и условія, на которыхъ желающіе старообрядцы могутъ присоединиться къ православной Церкви.

Что-же такое единовѣріе и каковы судьбы его первоначальнаго устроенія? Постараемся выяснить этотъ актъ великой милости и снисхожденія Русской Церкви къ заблуждающимъ и отпадшимъ чадамъ своимъ.

Въ основѣ единовѣрія лежитъ глубоко-вѣрная мысль, что разныя православныя общества, при единствѣ вѣры и іерархического правленія, могутъ содержать различные обряды, чины и церковные обычай, на сколько эти послѣдніе не вредятъ вѣрѣ и благочестію, и слѣд. могутъ составлять единую Церковь, возглавленную во Христѣ Іисусѣ. Мысль эта всегда была присуща вселенскому церковному сознанію. Исторія христіанской Церкви представляетъ намъ весьма много примѣровъ и доказательствъ этого положенія. Постепенное образованіе различныхъ уставовъ и церковныхъ богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ проходитъ чрезъ всю исторію христіанской Церкви. Но пусть никто не подумаетъ на основаніи сказанного, что церковь относилась когда-либо совершенно безразлично къ употребленію того или другаго обряда ея членами: ни въ какомъ обществѣ вѣшнія формы и установленія не предоставлены на произволъ отдельныхъ членовъ его, а напротивъ вырабатываются всѣмъ обществомъ, или уполномоченными отъ него лицами, сообразно съ цѣлями и задачами общества. Такъ относилась и относится и Церковь къ обрядамъ и даже религіознымъ обычаямъ; она не допускаетъ безразличія въ употребленіи ихъ, а напротивъ требуетъ, чтобы обряды строго согла-

совались съ ея предписаніями, а за явное нарушеніе послѣднихъ грозитъ разными духовными прещеніями. Однимъ словомъ Церковь всегда строго охраняла принятый ею во всеобщее употребленіе, или, какъ говорятъ, „въ обдержность“ обрядъ или обычай. Но за собою она оставила право видоизмѣнить обряды и чины и вводить нѣкоторые новые, или, по выражению собора 1666 года, „преуспѣвать (въ этомъ отношеніи) на лучшее“. Какъ произволъ въ употреблениіи обряда, такъ и закрѣпленіе его неизмѣнности какъ доктрина — это суть двѣ крайности, которыхъ никогда вселенская Церковь не допускала и отъ которыхъ всегда предостерегала своихъ членовъ. Что касается помѣстныхъ церквей, то всѣ члены ихъ, какъ послушные сыны, должны содержать и употреблять тѣ обряды, какие признаны и допущены тою или другою церковью. И только собору епископовъ, съ воли главнаго изъ нихъ (34 прав. св. Апостолъ), дано право исправлять возможные въ этомъ случаѣ недосмотры или ошибки церквей помѣстныхъ. Такія обрядовые ошибки, на сколько онѣ не есть плодъ намѣренного суемудрія и непослушанія Церкви вселенской и не нарушаютъ единства вѣры и союза любви, не приводятъ помѣстныхъ церквей къ раздѣленію отъ единства церковнаго.

Церковно-историческая жизнь нашего русского народа такъ сложилась и развивалась подъ такими условіями, что вышеизложенные нами мысли о возможности обрядовыхъ разностей при единствѣ вѣры долго-долго не могли проникнуть въ сознаніе не только рядовыхъ членовъ русской Церкви, но и представителей ея. Напротивъ, наша русская Церковь, въ громадномъ большинствѣ своихъ членовъ въ XVI и въ XVII в., была весьма склонна впасть въ одну изъ вышеупомянутыхъ крайностей во взглядѣ на обрядъ, придавъ ему значеніе вѣдѣлъ вѣры и спасенія гораздо большее, чѣмъ онѣ имѣть на самомъ дѣлѣ; она была очень близка къ тому, чтобы придать обряду, при томъ обряду только своему, национально-русскому, доктринальную важность неизмѣнности, а идею вселенской Церкви заключить въ географические предѣлы церкви русской, такъ что въ русскомъ обществѣ XVII в. создалось убѣжденіе, что только то православно, что русское, и слова „православный“ и „русскій“ сдѣлались однозначущими. А между тѣмъ въ русско-церковныхъ книгахъ, обрядахъ и чинахъ, по многимъ причинамъ, о которыхъ теперь не время говорить, накопилось очень много погрѣшностей и неправильностей, внесенныхъ въ книги и намѣренно частію, но больше

всего — ненамѣренно по малообразованности тогдашняго русскаго общества — даже передоваго. Въ періодъ управлениія русскою церковью первыхъ пяти патріарховъ было много напечатано церковно богослужебныхъ и учительныхъ книгъ съ вкравшимися въ нихъ ошибками.

Было бы несправедливо сказать, что въ то время не было дѣлаемо попытокъ къ устраниенію нogrѣшностей въ книгахъ, чинахъ и обрядахъ. Попытки были, но онѣ были или очень недостаточны и нерѣшительны, или же встрѣчали себѣ сильное противодѣйствіе со стороны и народа, и лицъ, заинтересованныхъ въ книжномъ дѣлѣ, какъ это случилось при преп. Діонисіи архимандритѣ Троицкомъ.

Нужно было, чтобы во главѣ дѣла исправленія церк.-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ сталъ человѣкъ, и власть имѣющій въ Церкви, т. е. патріархъ, и въ то же время человѣкъ — рѣшительный и съ свѣтлымъ умомъ, способный не только отрѣшиться отъ привязанности къ печатной буквѣ и вошедшему въ практику неправильному обряду, но и повести это дѣло по правильному для него пути. Такимъ человѣкомъ я былъ, блаженной памяти святѣйшій патріархъ Никонъ, котораго справедливо называютъ „носителемъ идеи греко-восточнаго православія, который глубокими неизгладимыми чертами врѣзаль имя свое въ лѣтописяхъ восточной церкви, какъ охранитель православія“, и который самъ о себѣ говорилъ: „я самъ русскій и сынъ русскаго, но вѣра моя и убѣжденія греческія“. Этотъ достойный всероссійскій патріархъ рѣшительно взялся за дѣло исправленія церк.-богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, за дѣло, сознаніе необходимости котораго успѣло уже созрѣть тогда въ умахъ лучшихъ представителей русской Церкви, и энергично повелъ это дѣло при помощи просвѣщенныхъ и образованныхъ сотрудниковъ, съ полнымъ сознаніемъ святости и благонотребности для церкви труда сего.

Но это удивленія и прославленія достойное дѣло патр. Никона вызвало взрывъ негодованія со стороны ревнителей мнѣмой „старой вѣры“, которую они воплощали въ буквѣ и обрядѣ книгъ, изданныхъ при первыхъ пяти патріархахъ — и особенно при п. Іосифѣ, предшественникѣ Никона. Въ слѣпой приверженности къ буквѣ этихъ книгъ и старинѣ ихъ, эти люди въ полезныхъ исправленияхъ п. Никона усмотрѣли чудовищную ересь, нисровергавшую все православіе. Законно осужденные на соборѣ 1667 года за свое противленіе церкви, эти ревнивцы формально отдѣлились отъ русской Церкви

и образовали, такъ образомъ, расколъ. Руководимый своими смѣлыми, упорными и фанатичными вожаками расколъ скоро успѣлъ отторгнуть отъ православной русской Церкви очень много простосердечныхъ членовъ ея, шедшихъ въ расколъ безъ сознанія его сущности и пагубности.—И теперь тяжело еще представить себѣ, что столь свѣтлое и добре дѣло п. Никона было невольною причиной столь мрачнаго и печальнаго явленія, какъ русскій расколъ. Что-же должны были переживать и чувствовать пастыри русской Церкви, на глазахъ которыхъ происходило такое массовое отторженіе членовъ церкви и удаленіе ихъ на пагубный путь раскола?! Не иное что какъ чувство острой скорби и грусти объ отпадшихъ наполняло ихъ душу; а слѣдствіемъ этого было то, что Церковь русская, въ лицѣ своихъ пастырей, скоро начинаетъ призывать къ себѣ обратно отпадшихъ своихъ членовъ, для чего начинаетъ употреблять разнообразныя мѣры воздѣйствія на нихъ, пытаясь подѣйствовать и словомъ кроткаго вразумленія и угрозами церковнаго прщенія, а государственная власть для болѣе упорныхъ, вредныхъ и мятежныхъ признала нужнымъ употребить и градское „казненіе.“ Съ другой стороны, что должны были чувствовать и заболѣвшія недугомъ раскола и отдѣлившіяся отъ своей матери—церкви бывшія чада ея?! Глубоко затаенное чувство утраты чего-то дорогаго и незамѣнимаго постоянно тревожило ихъ душу,—чувство, которое нерѣдко проявлялось въ скорбныхъ сътраніяхъ и горькомъ плаче объ утраченномъ и приводило къ попыткамъ тамъ или здѣсь найти утерянное, или чѣмъ-ниб. искусственно замѣнить его. Короче говоря, церковь, оставаясь сама здоровымъ организмомъ, скорбѣла объ отдѣлившихся своихъ членахъ, а потому старалась облегчить путь къ возврату ихъ, а эти отдѣлившіяся, какъ блудныя дѣти, не знали, гдѣ найти себѣ надежное пристанище—и нерѣдко оглядывались назадъ, можетъ быть и безсознательно чувствуя, что оно осталось въ церкви, и ощупью отыскивая этотъ путь. Такія взаимоотношенія церкви и раскола привели пастырей церкви къ мысли о возможности облегчить путь возвращенія отпадшихъ въ Церковь чрезъ снисхожденіе къ нѣкоторымъ немощамъ послѣднихъ, состоящимъ въ приверженности или привычкѣ къ извѣстному „старому“ обряду, чтобы изъ-за этой приверженности не лишить ихъ существенно-важнаго въ дѣлѣ нашего спасенія, т. е. необходимости принадлежать къ св. Церкви Христовой съ полнотою чиновъ іерархіи и таинствъ, т. е. привели къ мы-

сли о томъ, что впослѣдствіи стало именоваться *единовѣріемъ*.

Мысль о возможности единенія старообрядцевъ съ Церковью на условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія выражены въ правилахъ единовѣрія, долго не могла созрѣть, какъ и выше сказано, въ умахъ даже передовыхъ людей въ русской церкви. Но это не значитъ, что она была совершенно чужда церковному сознанію русскихъ передовыхъ людей до второй половины XVIII вѣка,—нѣтъ: она не была только ясно сознана и опредѣленно выражена, но въ своей общей формѣ она появилась весьма рано и высказывалась многими,—только безъ подробнаго ея развитія и безъ примѣненія къ дѣлу (послѣднее потому, глав. обр., что среди самихъ раскольниковъ до поры—до времени эта мысль совсѣмъ не могла привиться). Пусть никто не подивится, что самому виновнику исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ—напр. Никону—преднѣсилась въ умѣ эта мысль. Это видно изъ слѣдующаго случая въ жизни Никона. Когда однажды протопопъ Иванъ Нероновъ, одинъ изъ главныхъ противниковъ патріарха, изъявилъ, согласіе повиноваться восточнымъ патріархамъ, но просилъ только позволенія употреблять старый Служебникъ, то Никонъ отвѣчалъ: „*обои—де* (т. е. и старый и новоисправленный) служебники добры; все равно по коимъ хощеши, по тѣмъ и служиши.“ Въ этихъ словахъ патр. Никона не ясно-ли выражено главное условіе единовѣрія относительно употребленія единовѣрцами старопечатныхъ книгъ, т. е. указана возможность единенія съ Церковью при разности обрядовой. Далѣе, соборъ 1667 г., клятвы котораго такъ смущаютъ не только раскольниковъ, но даже нѣкоторыхъ единовѣрцевъ, дов. ясно однако выражилъ мысль о допустимости разности въ обрядахъ при единствѣ вѣры и подчиненіи Церкви. Имѣя въ виду враждебное и хульное отношеніе къ Церкви лицъ, употреблявшихъ старый обрядъ, соборъ подвергъ ихъ клятвѣ, „яко еретиковъ и непокорниковъ“, но—подвергъ ихъ клятвѣ не за употребленіе ими старого обряда, хотя и неправильнаго, но не нарушающаго существа вѣры, а за хулы ихъ на Церковь и ея обряды, чинопослѣдованія и таинства, за ихъ отданіе отъ нея, какъ неправославной, еретической. Но что касается такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ, то соборъ 1667 г. не только не проклалъ этихъ обрядовъ, но даже высказалъ мысль о допустимости существованія разныхъ обрядовъ, что видно изъ того, что онъ утвердилъ посланіе

Константинопольского патріарха Паисія къ п. Никону, въ которомъ проводится ясно мысль о возможности обрядовыхъ разностей; мало того: о нѣкоторыхъ изъ „старыхъ“ обрядовъ (напр. о восмиконечномъ крестѣ и молитвѣ Іисусовой) отцы собора 1667 г. отзвались съ почтеніемъ, а чтеніе молитвы Іисусовой со словами „Сыне Божій“ — прямо разрѣшилъ не-прекословящимъ. Но расколъ на первыхъ порахъ обнаружился съ такою силою фанатизма и ненависти къ церкви, что послѣдователями его не только не замѣчались подобныя выраженія терпимаго отношенія Церкви къ такъ наз. старымъ обрядамъ, но, напротивъ, все, что-бы ни исходило отъ лица отдѣльныхъ пастырей церковныхъ и собора церковнаго, истолковывалось ими въ похуленіе Церкви. Такое-то, можно сказать, ожесточенное состояніе раскола того времени, выразившееся въ такихъ крупныхъ и небывалыхъ въ Церкви волненіяхъ, какъ бунтъ Стрѣлецкій и мятежъ Соловецкій, было причиной того, что примирительные мысли, высказывавшіяся нѣкоторыми въ духѣ единовѣрія еще въ слабой формѣ, не оставляли на дѣлѣ никакого слѣда. Такъ было до конца XVIII вѣка и такъ же было во всю первую половину XVIII вѣка, когда нафанатизированный расколъ былъ глухъ къ краткому голосу Церкви и требовалъ сильныхъ лѣкарствъ и мѣръ, — особенно для того, чтобы по возможности обезвредить его для истинныхъ членовъ церкви. Поэтому-то какъ церковно-пастырская дѣятельность, такъ и гражданско-правительственная по отношенію къ расколу со времени собора 1667 г. и до второй половины XVIII в. была большею частію характера строгаго. Но даже и въ это время въ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола выражались мысли въ духѣ единовѣрія. Напр., даже святитель Димитрій Ростовскій, котораго раскольники такъ обвиняютъ за „жестоко-словныя выраженія“, вовсе не укорялъ раскольниковъ за двуперстіе, а укорялъ ихъ за то, что они полагали двуперстіе за догматъ, — что видно изъ слѣдующихъ словъ Святителя: „честны убо персты ко изображенію креста, коимъ либо образомъ слагающіеся, но не суть бози, а понеже не бози, убо не вѣра“. А одинъ миссионеръ Исаакій въ началѣ XVIII в. на вопросъ старообрядца Филарета, можно-ли имѣть законно освященную церковь, въ которой служба отправлялась бы по старопечатнымъ книгамъ, — отвѣчалъ: „аще нынѣ къ ней (церкви) приступите и обратитесь съ покаяніемъ и въ познаніе приидете, тогда и церковь у васъ будетъ, *такожде и старопечатнымъ книгамъ*

можно же быти, понеже бо и въ старопечатныхъ книгахъ, что и въ новонарѣчныхъ печатано, и нѣсть порочны старыя книги, но паче и похвальны, кромѣ что отъ неискусства въ нихъ введенныхъ нарѣчій и пословицъ отъ переводчиковъ и переписчиковъ” (Брат. Сл., 1875, кн. 3, стр. 494—495). Наконецъ, самъ Св. Синодъ, въ самомъ началѣ своего учрежденія, въ 1721 г. одному своему миссионеру поручилъ разъяснить раскольникамъ, что сложеніе перстовъ онъ почитаетъ за вещь *среднюю* (обрядовую), и двуперстіе само по себѣ не есть какое либо зло, а злымъ его сдѣлали раскольники, потому что они признаютъ его знаменемъ раздора съ церковью.

Но самымъ блестящимъ періодомъ въ отношеніи развитія мысли о единовѣріи является безъ сомнѣнія вторая половина XVIII вѣка, который и завершился, какъ известно, церковно-законодательнымъ актомъ объ единовѣріи. Обстоятельства благопріятствовали этому. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II въ гражданскомъ общественномъ и религіозномъ положеніи старообрядцевъ послѣдовала, какъ известно, значительная перемѣна. Отмѣнены были прежнія крутыя мѣры противъ раскольниковъ и постепенно расширяемы были ихъ гражданскія права; послѣдовали новые узаконенія, имѣвшія цѣлію прямое успокоеніе умовъ старообрядцевъ посредствомъ возвращенія имъ гражданскихъ правъ. Сюда относятся указы 1764 г. и 1788 г. объ уничтоженіи двойного оклада, 1769 г. — о дарованіи имъ права судебнаго свидѣтельства, а въ 1785 г. о дозволеніи имъ вступать въ общественные должности, и другіе. Эти обстоятельства и вѣяніе духа времени значительно ослабили фанатизмъ раскола, и онъ сталъ гораздо доступнѣе для распространенія среди его послѣдователей мыслей, легшихъ въ основу единовѣрія, и для привлеченія ихъ путемъ снисхожденія къ ихъ духовнымъ немощамъ въ лоно православной Церкви. Поэтому-то и церковно-литературная полемика съ расколомъ стала тогда на другой путь: въ ней, можно сказать, совершился переломъ. Говоря это, мы особенно разумѣемъ составленное въ 1765 г. іеромонахомъ Платономъ (впослѣдствіи знаменитымъ митрополитомъ Московскимъ) сочиненіе подъ заглавиемъ „Увѣщаніе во утвержденіе истины и въ надежду дѣйствія любви Евангельской“. Это сочиненіе для развитія мысли о единовѣріи имѣло, можно сказать, огромное и даже рѣшающее значеніе. Въ немъ основная мысль единовѣрія — о возможности единенія съ церковью при разности обрядовой — развита съ такою осязательною наглядностію и

доступностію, что она скоро была вполнѣ признана нашимъ духовнымъ правительствомъ и усвоена старообрядцами многихъ раскольническихъ центровъ. Въ „Увѣщаніи“ ярко раскрывается, что старообрядцы „только за одни мелкости спорятъ“, въ „силѣ же вѣры согласны“ съ православными. Съ этой точки зрења и разсматриваются митрополитомъ Платономъ обрядовая разности старообрядцевъ съ православною Церковью. Въ „Увѣщаніи“ нѣтъ и тѣни порицаній на „старые“ обряды,—а высказывается только глубокое сожалѣніе о грѣхѣ церковнаго раздора, о томъ, что заблуждающіе въ „спорахъ изъ за мелкостей“ теряютъ надежду на спасеніе. „Поистинѣ, восклицаетъ составитель Увѣщанія, Церковь не предвидѣла злоключенія“ въ видѣ раскола, когда въ намѣреніи учинить „лучшее между православными благочиніе“, предпринимала исправленіе книгъ и обрядовъ. „А если бы предвидѣла, то лучше бы захотѣла нѣкоторая въ книгахъ въ словахъ снести погрѣшности“. Вторая характерная черта „Увѣщанія“—любвеобильный тонъ. Все сочиненіе, отъ первой страницы до послѣдней, дышетъ неподдѣльною, глубокою любовью къ „бывшимъ чадамъ Церкви, нынѣ недугомъ раскола немоществующимъ“. Здѣсь Церковь взываетъ къ нимъ такимъ „умиленнымъ гласомъ: дѣти мои заблуждающія. Вы болѣзни моего рожденія, коимъ духовно родилися, презираете, и самую утробу, которая васъ родила, терзаете. Не люблю-ли я васъ? Богъ свидѣтель, что люблю, желая спасенія вамъ“ и т. п. Вотъ искреннее слово и рѣчь любви: она убѣдительна, крѣпка, могуча. Итакъ, въ Увѣщаніи митр. Платона мысль легшая въ основу единовѣрія, получила свое полное выраженіе.—Такъ Церковь русская, соболѣзнуя обѣ отпадшихъ членахъ своихъ, изыскивала и прокладывала для возвращенія ихъ въ свои нѣдра пути,—и когда оказалось возможнымъ по дух.-нравственному состоянію самихъ заблуждающихъ, избрала путь снисхожденія къ ихъ немощамъ.—Первымъ изъ архиастырей, примѣнившимъ къ дѣлу достаточно уже созрѣвшую мысль о единовѣріи, былъ Никифоръ Феотокій, архиепискомъ Славенскій, потомъ Астраханскій. Онъ, еще за долго до возбужденія вопроса обѣ условномъ присоединеніи старообрядцевъ къ православной Церкви въ Св. Синодѣ, по своей иниціативѣ, безъ всякаго предварительного сношенія, въ 1780 г., присоединилъ раскольниковъ слободы Знаменки, Елизаветградскаго уѣзда, на условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія потомъ вошли въ правила единовѣрія, при чемъ въ своихъ дѣйствіяхъ руко-

водился тѣмъ, что сказано о старыхъ книгахъ и обрядахъ въ изданномъ отъ лица Св. Синода „Увѣщаніи“ митр. Платона. Хотя это дѣло архіеп. Никифора сначала было встрѣчено въ Св. Синодѣ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, какъ совершенное безъ его разрѣшенія, однако скоро потомъ основанное въ слободѣ Знаменкѣ единовѣріе получило офиціальное утвержденіе какъ со стороны гражданской, такъ и духовной власти.

Въ то-же самое время и старообрядцы, отдѣлившись отъ Церкви и за свое отдѣленіе осужденные Церковью, должны были такъ или иначе опредѣлить и оправдать свое положеніе и найти путь для своей духовной жизни и спасенія. На первыхъ же порахъ своего существованія они оказались въ этомъ отношеніи въ весьма затруднительномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, они искали старой вѣры, старыхъ обрядовъ, а остались ни съ чѣмъ - безъ церкви, безъ пастырей, безъ таинствъ, безъ пристанища спасенія. Склонился было на сторону раскола одинъ архіерей—Павелъ Коломенскій, но онъ умеръ въ самомъ началѣ раскола, не успѣвъ оставить по себѣ преемника и послѣ него, такъ обр., у раскольниковъ не осталось своего архіерея, который бы могъ поддерживать ихъ древнее священство. Очевидно раскольникамъ предстояло: или остаться совсѣмъ безъ священства, или же принимать къ себѣ священниковъ никоновскаго посвященія, убѣгавшихъ въ расколъ. Одни рѣшились на первое, другіе на второе средство,—и такимъ образомъ въ расколѣ весьма скоро послѣ его возникновенія произошло раздѣленіе и образовались двѣ большія партіи, которые должны были идти и дѣйствительно пошли совершенно по разнымъ путямъ, —это: поповщина и безпоповщина. „Но вѣрны-ли и надежны-ли были противоположные пути, избранные обѣими сторонами раскола? Могла-ли поповщина или безпоповщина сказать о себѣ, что она есть истинная церковь, что у нея—истина и пристанище спасенія? Нѣтъ, это были только два отдѣленія одного и того-же мрачнаго лабиринта, изъ которыхъ одно темнѣе другаго. Въ глубинѣ сердца своего и поповцы, и безпоповцы не могли не чувствовать пустоту; жизнь благодатная, даруемая вѣрующимъ въ св. Церкви, не наполняла ихъ: ихъ всюду сопровождало чувство неудовлетворенности и сознаніе, что Церковь безъ епископа, какъ тѣло безъ очей“ (Кн. о вѣрѣ, л. 213)*). Въ частности, грамотѣи изъ поповцевъ дочитывались въ старыхъ

*) Истор. очеркъ единовѣрія М. С—ю, стр. 2.

книгахъ, что безъ епископа церковь — не церковь, а „само-чинное сберище“, — и поэтому изъ груди ихъ нерѣдко вырывались скорбныя сѣтованія въ родѣ слѣдующихъ: „кто ны воздвигнетъ долу лежащихъ, или утѣшитъ во тмѣ печали сѣ-дающихъ“ — или: нѣсть воздвигающаго, нѣсть утѣшающаго, нѣсть руководящаго. Гдѣ образованіе Горняго Сиона (т. е. Церковь)? Камо скрыся отъ насть райская доброта? Гдѣ зайде отъ на-шихъ очей красота Матери нашей? Гдѣ витаєши родшая насть, гдѣ пребываєши питавшая ны? Не плодствуетъ страна наша“ (*Лоанновъ. Полн. ист. изв. ч. IV, стр. IV*). Посему, имѣть у себя правильно-устроенную Церковь, въ полномъ ея составѣ,— обѣ этомъ всегда мечтали и того всегда сильно желали по-повцы. Отсюда ихъ многочисленныя попытки снискать себѣ „епископскій чинъ“, но всѣ подобныя попытки ихъ, какъ извѣстно, оканчивались весьма печально и только новое пя-тно налагали на поповщинское общество,— и тѣмъ прилагали скорбь на скорбь. А „бѣглые попы“ ихъ были большею ча-стію или растроенные, или запрещенные за дурную жизнь, или же просто самозванцы изъ солдатъ и мѣщанъ. Вотъ, напр.. какъ отзывается о бѣглыхъ попахъ одинъ изъ вид-ныхъ старообрядцевъ прошлаго вѣка (*Иванъ Алексѣевъ*): вѣ-коликое убо безобразіе и нелѣпотство настоящее іерейство пріиде! бни іереи (т. е. прежніе) быша ревнители благочестія духовнаго, сіи чествованія мірскаго; оніи утѣшающеся въ ду-сѣ, сіи же въ брюсѣ; оніи упованіе свое имуще на Бога, сіи же на злато и откупники свои; оніи іереи истинные бяху, сіи же истинныхъ іереевъ токмо имена содержать. О, іерей-ства сего чуждоименного и своевольнаго!“ (*Соч. Ивана Алек-сѣева противъ поповцевъ, стр. 30—31*).

Если размышляющіе поповцы сознавали, что они находят-ся въ ложномъ положеніи и не составляютъ истинную Хри-стову Церковь, которую и отыскивали по разнымъ путямъ, то еще болѣе должны были чувствовать и понимать это разсу-дительные изъ безпоповцевъ,— и многіе изъ нихъ дѣйстви-тельно и чувствовали, и понимали. Безпоповцы не имѣютъ у себя самой главной принадлежности Церкви — іерархіи, не имѣютъ у себя таинства евхаристіи, которая совершенно не-обходима для спасенія; не имѣютъ и другихъ таинствъ, учреж-денныхъ Господомъ Богомъ во св. Церкви для сообщенія вѣ-рующимъ разнообразныхъ даровъ благодати. Если и совер-шаются въ безпоповщинѣ общественные службы — вечерни, утрени, часы, молебны, то все это совершается самовольно

и самочинно, людьми не посвященными, не призванными отъ Бога и часто даже женщинами, вопреки ясному ученію слова Божія. Поэтому-то, повторяемъ, разсудительные изъ безпоповцевъ тяготились своимъ положеніемъ, колебались въ своихъ мысляхъ и часто проклинали виновниковъ своего отпаденія за то, что оии сбили ихъ со всякаго основательнаго пути и у себя не дали никакого надежнаго пристанища. Настолько нѣкоторые изъ безпоповцевъ тяготились своимъ положеніемъ, что вопреки своему основному ученію о наступлении царства антихриста, истребившаго благодать священства на землѣ, входили въ сношенія съ поповцами для заведенія или пріобрѣтенія архіерейства. И для этого въ 1765 году, послѣ общаго соглашенія съ поповцами, рѣшились на страшный и вмѣстѣ странный способъ восхитить себѣ хиротонію нетлѣнною рукою святителя Іоны. Если ужъ на такое дѣло хотѣли рѣшиться для снисканія себѣ законнаго архіерейства (не говоримъ уже о другихъ многочисленныхъ попыткахъ въ томъ же направленіи), то понятно, какъ тяготило ихъ и не давало имъ покоя сознаніе, что „церковь безъ епископа не бываетъ“.

И вотъ, когда многіе и изъ поповцевъ изнывали въ поискахъ истиннаго пути и надежнаго пристанища и готовы были для этого рѣшиться на отчаянный шагъ, тогда именно церковь, простирая къ нимъ руки, любвеобильно взывала: „я тщусь, я призываю Св. Духа, дабы Онъ своимъ всемогущимъ дѣйствиемъ паки образъ Іисуса Христа въ сердцѣ вашемъ написалъ, который вы своимъ непослушаніемъ загладили... О, коликою радостію и веселіемъ наполнили бы вы небо и землю... Самъ Отецъ Небесный невидимо принялъ бы васъ въ Свои объятія и увѣрилъ бы сердце ваше, что вы, соединясь съ Церковью, входите въ предверія блаженства вѣчнаго...“ (Изъ „Увѣщанія“ митр. Платона). Прислушались искренніе изъ старообрядцевъ искатели истины и спасенія къ этому гласу Церкви и почувствовали, что нигдѣ не найдутъ они себѣ болѣе надежнаго пристанища, какъ только тамъ, откуда слышался такой любвеобильный призывъ ихъ. И вотъ, средь нихъ находится человѣкъ, который оказался способнымъ объединить около себя такихъ искреннихъ искателей истины, чтобы потомъ ввести ихъ въ нѣдра Церкви по пути, намѣченному самою Церковью, состоящему въ возможности единенія при разности обрядовой, что такъ наглядно было разъяснено въ „Увѣщаніи“ м. Платона.

Такимъ человѣкомъ былъ стародубскій инокъ Никодимъ,— изъ старообрядцевъ дьяконова согласія. Человѣкъ глубоко-религіозный, строгой жизни и многоизучанный Никодимъ, проживая въ разныхъ раскольническихъ центрахъ, нигдѣ не находилъ себѣ полнаго мира душевнаго. Онъ не могъ не замѣтить внутреннихъ недуговъ, разъѣдающихъ старообрядчество, а безпорядочная жизнь бѣглыхъ поповъ постоянно приводила его къ мысли, что это— „іерейство чуждойменное и свое-вольное“; не переставала его тревожить мысль, что безъ законнаго епископа не можетъ быть истинной соборной Церкви. Поэтому онъ участвовалъ во всѣхъ неудачныхъ попыткахъ, какія только предпринимались изъ Москвы или стародубскихъ слободъ для пріобрѣтенія епископа. Долго было бы говорить о всѣхъ этихъ попыткахъ возстановить старообрядческую іерархію послѣ извѣстнаго вышеупомянутаго собора 1765 года. Достаточно сказать, что поиски эти продолжались около 17 лѣтъ и не привели ни къ какимъ положительнымъ резуль-татамъ. Тогда-то Никодимъ, имѣвшій свой монастырь (Успен-скій) близъ слободы Злынки, (на р. Каменкѣ), рѣшился ис-кать для своихъ единовѣрцевъ епископа и священниковъ у православной Церкви и возсоединиться съ нею. Рѣшеніе это созрѣло у него при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Разъ, въ 1781 году, случилось ему быть въ слободѣ Вишненкѣ у графа Румянцева-Задунайскаго, который былъ въ то время намѣст-никомъ Малороссіи. Никодимъ и прежде былъ извѣстенъ графу своими добродѣтелями, но когда послѣдній лично по-знакомился съ нимъ, то выразилъ ему свое сожалѣніе, сказавъ что больно видѣть такого инока, чуждающагося соборной Церкви ради суетныхъ преданій своихъ предковъ, которыя не могутъ спасти его, потому что бѣглое священство, управ-ляющее ими, само находится внѣ Церкви. Слова эти глубоко подѣйствовали на колебавшееся уже сердце Никодима. Ру-мянцевъ посовѣтовалъ Никодиму подать прошеніе Императрицѣ и въ Св. Синодѣ о дарованіи старообрядцамъ священниковъ,— и съ тѣхъ поръ Никодимъ началъ рѣшительно думать: какимъ бы образомъ привести въ исполненіе благое сіе намѣ-реніе. Въ томъ же году онъ поручилъ отправлявшемуся въ С.-Петербургъ иноку своего монастыря Герасиму обратиться тамъ къ членамъ Синода за наставлениемъ, какъ имъ, старо-обрядцамъ, приступить къ исполненію своего предпріятія и быть „подъ паствою архипастыря, съ тѣмъ, чтобы неотложно храниму быть древне-россійскія церкви чиносодержанію по-

старопечатнымъ книгамъ, съ отложеніемъ пореченія и клятвъ на то чиносодержаніе". Въ Петербургѣ митр. Гавріилъ, Псковскій епископъ Иннокентій и князь Потемкинъ обѣщали оказать старообрядцамъ „отеческое милосердіе". Обнадеженный этимъ обѣщаніемъ, Никодимъ вошелъ въ сношенія и съ другими слободскими раскольниками, располагая ихъ къ своему намѣренію. Указывая на изданное Св. Синодомъ „Увѣщаніе" м. Платона, онъ увѣрялъ своихъ единомысленниковъ, что несомнѣнно имъ дано будетъ отъ Св. Синода законное священство по желанію ихъ. Эти старанія Никодима имѣли среди стародубскихъ старообрядцевъ не малый успѣхъ, такъ что онъ, при проѣздѣ въ 1783 г. чрезъ слободу Добрянку князя Потемкина, подаль ему прошеніе отъ лица полутара тысяч слобожанъ о дарованіи имъ епископа на слѣдующихъ условіяхъ, изложенныхъ въ 12 пунктахъ. Они просили, чтобы была разрѣшена соборная клятва, возложенная на нихъ за безразсудное отступленіе отъ великороссійской церкви изъ за старыхъ книгъ и обрядовъ; просили прислать имъ епископа, который освятилъ бы имъ церковь въ Успенскомъ слободскомъ монастырѣ по древнему чину, и поставлялъ бы тамъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ по старопечатнымъ книгамъ, съ соблюденіемъ всѣхъ древнихъ обрядовъ, и чтобы всѣ слобожане были подъ его паствою; св. же муромъ спасти ихъ изъ Св. Синода. Всѣхъ священниковъ и діаконовъ, прежде отлучившихся отъ соборной Церкви, разрѣшить, если объявить себя готовыми слѣдовать предложенными правиламъ....; позволить каждому, кто пожелаетъ изъ старообрядцевъ, состоять подъ паствою сего епископа, и никого не принуждать изъ купцовъ и мѣщанъ къ бритію бородъ и ношенію нѣмецкаго платья.

Князь Потемкинъ благосклонно принялъ прошеніе, и тогда слободскіе старообрядцы, видя успѣхъ благихъ начинаній Никодима, дали ему отъ себя довѣренность, за подписью 1500 чел., чтобы ему явиться въ Св. Синодъ съ прошеніемъ отъ всего ихъ общества о соединеніи съ церковью на вышепозначенныхъ условіяхъ. Но другіе слободскіе раскольники, которые не были согласны съ Никодимомъ и которыхъ было громадное большинство, ожесточились противъ Никодима и его сотрудниковъ — настолько, что намѣревались всѣхъ ихъ умертвить. Никодимъ, до глубины души проникнутый сознаніемъ святости и важности предпринимаемаго дѣла, не устрашился и смѣло продолжалъ идти къ намѣченной цѣли. Съ довѣрен-

ностю отъ полутора тысячъ единомышленниковъ онъ въ 1783 г. отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ ласково принятъ и членами Св. Синода, и княземъ Потемкинымъ, и былъ даже представленъ Императрицѣ, которая бесѣдовала съ нимъ объ его дѣлѣ. Послѣ сего, 11 Марта 1784 г., данъ былъ на имя Новгородскаго митрополита Гавріила Высочайшій указъ, въ которомъ Императрица выражала свою волю, чтобы преосвященный сообщилъ архіепископамъ Могилевскому и Славянскому „о дачѣ священниковъ помянутымъ старообрядцамъ, по ихъ прошеніямъ, и о дозвolenіи имъ службу Божію отправлять по ихъ обрядамъ, покуда обще по представленнымъ отъ означенныхъ старообрядцевъ просыбамъ послѣдуетъ дальнѣйшее распоряженіе. Вскорѣ послѣ этого Никодимъ возвратился въ свой монастырь. Но здѣсь, послѣ праздника Пасхи, онъ заболѣлъ отъ скораго пути и многихъ трудовъ, и 12 Мая скончался, немного не довершивъ того дѣла, которое было цѣлію всей его жизни. За три дня до смерти онъ написалъ умильное письмо митр. Гавріилу, въ которомъ, называя себя пришедшемъ въ единодесятый часъ, просигъ не отринуть его, но присоединить къ стаду сыновъ св. Церкви.

Преждевременная кончина Никодима, хотя и смутила его сотрудниковъ, однако они не хотѣли оставить такъ успешно начатое ими дѣло. Продолжателями этого дѣла явились казначей Никодимовой обители Виталій, монахи Іоасафъ и Евдокимъ и бѣлецъ Иванъ Кузнецовъ. Послѣдніе трое, въ качествѣ повѣренныхъ,ѣздили въ Петербургъ и тамъ успѣли испросить для Іоасафа, получившаго еще ранѣе на востокѣ санъ архимандрита, позволеніе исправлять духовныя требы для старообрядцевъ. Не смотря на нѣкоторыя препятствія, дѣло единовѣрія, или, какъ тогда еще называли его, „согласія“ въ Стародубѣ стало развиваться, чemu особенно способствовалъ посланный туда митр. Гавріиломъ священникъ Андрей Іоанновъ, который исправлялъ здѣсь духовныя требы и основалъ церкви.

Вскорѣ послѣ того, какъ единовѣріе въ значительной степени привилось въ Стародубскомъ краѣ, оно стало проникать и въ другія мѣстности, зараженные расколомъ. Такъ попытки ввести его были сдѣланы на Иргизѣ, но не успѣшио; затѣмъ введено оно было въ Казани и Нижегородской епархіи, при чёмъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ Высочайшемъ указѣ (отъ 12 Марта 1798 г.) о дозволеніи Нижегородскимъ просителямъ имѣть церковь и священника, ру-

которого отъ епархиального архіерея, было уже оговорено, что на будущее время это дозволение получаетъ видъ общаго правила для всѣхъ старообрядцевъ, при ихъ такого рода ходатайствахъ.

Однако мысль о единовѣріи, возникшая въ Стародубскихъ слободахъ и начавшая приводиться въ исполненіе въ другихъ мѣстностяхъ окончательно осуществилась только въ Москвѣ, какъ духовномъ сердцѣ Россіи, такъ какъ только тамъ она облеклась въ правильныя формы подъ руководствомъ митр. Платона, „Увѣщаніе“ котораго, какъ мы выше сказали, имѣло такое решительное значеніе въ дѣлѣ развитія мысли о единовѣріи. Это случилось такъ. Многіе видные и благонамѣренные поповцы Рогожскаго кладбища часто были возмущаемы нечестностію и поддѣлкою святыни со стороны бѣглыхъ поповъ. Не за-долго до того времени, о которомъ у насъ идетъ теперь рѣчь, былъ такой случай, что на Рогожскомъ кладбищѣ проживалъ подъ именемъ попа и совершалъ тамъ всѣ дух. требы просто па просто бѣглый солдатъ, крѣпостной человѣкъ одного помѣщика, который, узнавъ объ этомъ, и раскрылъ все дѣло. Это обстоятельство и другія подобныя ему заставляли московскихъ раскольниковъ глубоко призадумываться надъ своимъ положеніемъ. Чтобы застраховать себя отъ подобныхъ случаевъ на будущее время, московскіе поповцы и рѣшились принимать къ себѣ православныхъ священниковъ и построить единовѣрческую церковь на нѣкоторыхъ условіяхъ, которые и представили митрополиту Платону. Всѣхъ пунктовъ условій было представлено митрополиту 16. Эти пункты условій московскихъ старообрядцевъ были разсмотрѣны митр. Платономъ; нѣкоторые изъ нихъ были измѣнены и ограничены его резолюціями. Такъ явились известныя правила единовѣрія.

Въ этихъ правилахъ единовѣрія взаимоотношеніе его къ православію выражено такъ, что съ одной стороны требуется единеніе единовѣрія, а съ другой допускается нѣкоторая его обособленность. Единеніе—указывается въ томъ, чтобы вступающій въ единовѣріе былъ разрѣшаемъ Церковію отъ клятвы, тяготѣющей надъ расколомъ (п. 1-й) и въ томъ, чтобы за содержаніе разныхъ обрядовъ и книгъ не было „хулы ни съ единаго стороны“,—частнѣе въ томъ, что дозволяется единовѣрцамъ получать священниковъ отъ епархиального архіерея и по его „разсужденію“ (п. 2), и единовѣрческие священники съ ихъ паствами подчиняются вообще вѣданію епарх. архі-

ерея по суду и по всѣмъ церковнымъ дѣламъ (п. 6 и 12); таинства православной церкви пріемлются единовѣрческими священниками въ „дѣйствительной ихъ силѣ“ (п. 10), св. миро получается отъ епарх. архіерея (п. 7), при смышаныхъ бракахъ вѣнчаніе происходитъ по согласію брачующихся—или въ гр.-рос. храмѣ, или единовѣрческомъ (п. 14). Обособленность выразилась въ требованіяхъ относительно обрядовой церковной стороны и способа духовнаго правленія: а) чтобы поставлять священно-служителей (п. 2), службу въ единовѣрческихъ храмахъ совершать (п. 3) и также освящать церкви и антиминсы (п. 4)—по старопечатнымъ книгамъ,— чтобы единовѣрческихъ священниковъ не требовать къ соборнымъ моленіямъ (п. 5), б) чтобы во священники для единовѣрцевъ поставлять по „избранію“ прихожанъ (п. 2),—чтобы преосвященному чинить разбирательство по дѣламъ единовѣрцевъ, гдѣ не требуется слѣдствія, чрезъ единовѣрческихъ священниковъ, минуя консисторію.

Къ этимъ правиламъ митр. Платонъ присоединилъ слѣдующее свое поясненіе, изъ которого видно,—для кого и для чего учреждено единовѣріе. „Церковь, говоритъ онъ, яко сердебольная мать, не видя въ обращеніи отторгшихся отъ нея великаго успѣха, разсудила за благо учинить нѣкоторое таковыи, въ невѣдѣніи погрѣшающимъ, снисхожденіе, слѣдуя примѣру апостольскому, иже немощнымъ бысть яко немощенъ, но съ тѣмъ, да немощныхъ пріобрѣщетъ,—и дабы возымѣть благую надежду, что таковые со временемъ Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ въ неразнствующее съ церковью пріидутъ согласіе“. Иначе и короче говоря: единовѣріе было учреждено какъ наиболѣе цѣлесообразная и снисходительная мѣра для обращенія раскольниковъ; но оно не учреждено для православныхъ, а потому переходъ послѣднихъ въ единовѣріе дозволяется правилами только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ *).

Эти правила съ своимъ мнѣніемъ митр. Платонъ представилъ въ Св. Синодъ, который вполнѣ одобрилъ ихъ, а Импе-

*) По пункту 5 правилъ въ той редакціи, какая дана ему Св. Синодомъ въ 1881 году, „разрѣшается присоединяться къ единовѣрію тѣмъ изъ записанныхъ православными, кои по надлежащемъ разслѣдованіи окажутся издавна, не менѣе пяти лѣтъ, уклоняющимися отъ исполненія таинствъ православной церкви, но не иначе, какъ съ особаго относительно каждого изъ такихъ лицъ разрѣшенія епархиального преосвященнаго“.

раторъ Павелъ Петровичъ утвердилъ ихъ 27 Октября 1800 г., изобразивъ въ именномъ указѣ, между проч., слѣдующее; „поповѣаемъ церковь старообрядцамъ дать, и впредъ дозволять устроенія (т. е. единовѣрческихъ церквей) на подобномъ основаніи“ *).

Не напрасно приписываютъ правиламъ 1800 г. громадное значение какъ раскольники, такъ и православные; не безъ основанія и исторія единовѣрія ведется съ этого года. Въ 1800 г. появляется самое название *единовѣріе*, название дов. точно выражающее сущность дѣла. Этимъ именемъ „согласные съ православною церковью старообрядцы выдѣляются изъ старообрядцевъ—раскольниковъ, какъ старообрядцы—единовѣрцы и объединяются подъ этимъ названіемъ въ одно особое общество, выражающее свою тѣсную связь съ православною Церковью держаніемъ съ ней единой вѣры и, слѣд., единыхъ т. е. однихъ и тѣхъ-же общихъ имъ средствъ спасенія“. До правилъ 1800 года не было выработано совершенно одинаковыхъ условій единенія старообрядцевъ съ православною Церковью, и потому старообрядцы разныхъ мѣстностей возсоединялись съ Церковью на разныхъ условіяхъ, хотя духъ ихъ и существенные признаки всегда были одни и тѣ же. Появившіяся же въ 1800 г. „Правила“ стали для всѣхъ раскольниковъ, желающихъ соединиться съ православною Церковью съ удержаніемъ старыхъ книгъ и обрядовъ условіями обязательными. Поэтому единовѣріе теперь стало представляться нераздѣльно съ правилами 1800 года. Таково ихъ значеніе **).

Съ тѣхъ поръ какъ учреждено было единовѣріе, оно подверглось самымъ разнообразнымъ сужденіямъ, обсужденіямъ и даже перетолкованіямъ со стороны свѣтской и духовной

*) Внѣшняя исторія учрежденія единовѣрія, начиная съ краткаго обзора дѣятельности инока Никодима, изложена нами по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: 1) Расколъ, обличаемый своею исторіею (*Муравьевъ*), СПБ. 1854, стр. 381—390; 2) Историч. очеркъ единовѣрія, *М. С—ю*, СПБ. 1867; 3) *Петровъ Н.* Расколъ и единовѣріе съ царствованія Екатерины II до царствованія Николая I (Тр. Кіев. дух. Академіи, 1881 г., ч. 2, стр. 367—390 и ч. 3, стр. 3—34); 4) *Смирновъ П.* Исторія русскаго раскола старообрядства и др.

**) См. объ этомъ подробнѣе въ ст. *М. Чельцова* „Единовѣріе за время столѣтняго существованія его въ русской церкви“ (Мисс. Обозр. 1900, Май, стр. 672—675).

печати, при чёмъ въ первой преимущественно оно истолковывалось въ смыслѣ отрицательномъ и порицательномъ, а во второй разъяснялся его истинный смыслъ и значеніе. Что же касается раскольниковъ, то со стороны ихъ началось, можно сказать, систематическое и яростное нападеніе на единовѣріе. Чего-чего только ярые раскольники, возненавидѣвшіе единовѣріе чуть-ли не болѣе, чѣмъ самое православіе, не выдумывали въ похуленіе и осужденіе единовѣрія! Съ ихъ точки зрѣнія, единовѣріе будто бы имѣетъ „двѣ личины“, „хромаетъ на обѣ ноги“: оно „хвалитъ старину“, поелику „чинъ древности хранить“ и въ тѣ же времена „содержитъ новину, приемля тайны всѣ отъ нихъ“, даже находится въ іерархической зависимости отъ той церкви, которая „прежнія церковныя установленія“ признаетъ состоящими подъ неразрѣшимой клятвой и т. п. Очевидно, такія возраженія раскольниковъ противъ единовѣрія вытекаютъ изъ неправильнаго раскольническаго взгляда на обрядъ, изъ непониманія соборной клятвы 1667 г. и изъ усвоенія такъ называемымъ жестокословнымъ порицаніямъ недолжнаго смысла и значенія. Разъясненіе и разборъ этихъ нападокъ на единовѣріе, и особенно раскрытие правильнаго смысла и значенія клятвы собора 1667 года, должны быть предметомъ особой обстоятельной бесѣды. На сей разъ ограничимся приведеніемъ отзывовъ и мнѣній о единовѣріи тѣхъ нашихъ архипастырей, которые подробно разъяснили истинное значеніе его и тѣмъ самымъ оградили его отъ несправедливыхъ нареканій. Да прислушаются сумнящіеся о единовѣріи къ согласному голосу нашихъ архипастырей и да уразумѣютъ, что единовѣріе не содержитъ въ себѣ ничего двуличного или противнаго православію, а есть въ сущности тоже православіе! Приснопамятный Московскій святитель Филаретъ говоритъ такъ. „То, что наиболѣе осудительно и вредно въ раскольникахъ, есть ихъ отчужденіе отъ Церкви и мятежное противъ нея расположеніе. Единовѣрцы, побѣдивъ сіе расположенія при вступлении въ единовѣріе и вошедъ въ благодатное общеніе священноначалія и таинствъ Церкви, согласно съ своимъ наименованіемъ, почитаютъ направленіе къ единству и почитаютъ православную Церковь своею, а раскольниковъ чужими“. Поэтому, по убѣждѣнію митр. Филарета, *единовѣріе въ сущности то же православіе*; единовѣрческая церковь, отличающаяся отъ греко-рѣской несущественною разностію въ обрядахъ, соединена съ послѣднею, какъ показываетъ и самое название, единствомъ вѣры, таинствъ и свя-

щенноначалія такъ крѣпко, что первая не можетъ быть мыслима раздѣльно отъ послѣдней, но та и другая есть одна вселенская святая и апостольская церковь. „Что значитъ Церковь единовѣрческая? Церковь, которая имѣеть единую вѣру съ великороссійскою Церковію, находится въ соединеніи съ ней и симъ отличается отъ разномыслящихъ и чуждающихся Церкви великороссійской. Что въ семъ непріятнаго и оскорбительнаго? Братіямъ единавѣрческихъ церквей мы говоримъ: вы единовѣрцы намъ и мы единовѣрцы вамъ. Какъ же можетъ быть оскорбительнымъ наименованіе, которое мы даемъ и себѣ наравнѣ съ другими?!“¹⁾ Преосвященный Никаноръ въ одномъ изъ своихъ словъ говоритъ: „я знаю, что по старопечатнымъ книгамъ святые Божіи спасались, какъ и по новопечатнымъ спасались, и вѣрю, что и нынѣ можно спастись, служа Богу какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ книгамъ... Единовѣріе... состоитъ въ общеніи молитвъ и таинствъ съ православною церковію, это видно изъ того, что, содержа единую съ нами Христову вѣру, единое въ основѣ церковное право, единый по существу обрядъ, хотя и съ нѣкоторыми особенностями, не вредяющими существу вѣры и дѣлу спасенія, единовѣріе пріемлетъ отъ православной церкви свое священство и подчиняется ея епископству“²⁾. Покойный митроп. Московскій Сергій, при освященіи одной единовѣрческой церкви, въ своей проповѣди говорилъ: „Церковь сія, нынѣ освященная, именуется единовѣрческою. Откуда же заимствовано ея такое наименованіе? Изъ словъ Апостола, что у православныхъ христіанъ *единъ Господь, едина вѣра*. И дѣйствительно, общество единовѣрческое въ вѣрованіи ничѣмъ не разнствуетъ отъ всего общества православнаго“³⁾. Въ 1885 году цѣлый соборъ русскихъ архипастырей, собравшихся въ Казани, о единовѣріи высказался такъ: „единовѣріе не представляетъ собою какого-либо особаго, отличающагося отъ православія, исповѣданія; православіе и единовѣріе составляютъ одну Церковь. Въ храмахъ православныхъ и единовѣрческихъ призывается единъ Господь, исповѣдуется едина вѣра, совершается едино крещеніе, приносится едина умилостивительная безкровная жертва Христова, пріемлется едино Тѣло и Кровь животворящая; словомъ и тамъ и здѣсь одно и тоже и оди-

¹⁾ Собр. мн. и отз. митр. Филарета, т. IV, стр. 159—160.

²⁾ Мисс. Обозр. 1900 г., Іюль—Августъ, стр. 23—24.

³⁾ ibid.

наково все то, что живитъ и питаетъ человѣка. Посему, съ одной стороны никто не долженъ уничтожать и порицать то, что церковю благословляется, никто не долженъ думать, что тайны, совершаемыя единовѣрческими священниками, имѣютъ менѣе силы и святости. А съ другой стороны сами единовѣрцы должны помнить,—и сіе потребно внушать имъ,—что сила единовѣрія заключается только въ союзѣ съ православною Церковю, что безъ этого союза нѣтъ единовѣрія, а будетъ опять расколъ, что посему при содержаніи такъ называемаго старого обряда не должно быть никакого порицанія обряда, православною Церковю содержащаго, и, наоборотъ,—со стороны православныхъ—порицанія обрядовъ, содержащихъ единовѣрцами". Этотъ отзывъ о единовѣріи утвердилъ Св. Синодъ и тѣмъ самымъ высказалъ, что единовѣріе и православіе составляютъ одну церковь святую, восточную, апостольскую, и что разности въ обрядахъ такъ же ихъ не раздѣляютъ, какъ не раздѣляютъ разности въ обрядахъ церкви русскую, греческую, грузинскую и пр. другъ отъ друга¹⁾.

Въ заключеніе приведемъ себѣ на память слова изъ посланія Св. Синода, изданного имъ по поводу столѣтія единовѣрія. Помянувъ съ благодареніемъ Господу Богу обѣ учрежденіи единовѣрія сто лѣтъ тому назадъ, Св. Синодъ въ посланіи говоритъ: „путемъ симъ вошли въ ограду православной церкви многіе, находившіеся виѣ ея, стали возлюбленными чадами ея о Господѣ, сынами свѣта и послушанія, открывъ себѣ чрезъ единеніе съ Церковю и принятіе благодатныхъ ея таинствъ, наипаче же Святѣйшаго таинства Тѣла и Крови Христовой, путь къ наслѣдію жизни вѣчной во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Благословенъ Богъ, положившій въ сердца избранныхъ своихъ благое и спасительное помышленіе прийти въ соединеніе вѣры и въ разумъ истины. Превожденно намъ, обращается Св. Синодъ къ единовѣрцамъ, таковое единеніе ваше со всеми чадами православной Церкви, яже есть Тѣло Христово“.

Теперь остается только пожелать, чтобы постоянный можно сказать, несмолкаемый любвеобильный зовъ пастырей и служителей Церкви, обращенный къ старообрядцамъ, о возвращеніи ихъ въ лоно Церкви на такъ называемыхъ правилахъ единовѣрія, чаще и чаще доходилъ до сердецъ заблуждающихъ.

¹⁾ Мисс. Обозр. 1900 г., Іюль—Августъ, стр. 24—25.

Пусть глаголемые старообрядцы памятаютъ постоянно, что „вѣра всегда одна и та же и одинъ и тотъ же предметъ вѣры можно изображать разными обрядами. Такъ, напр., вѣру во св. Троицу мы одинаково изображаемъ и въ троеперстіи и въ двуперстіи, и въ трикиріи и т. п. Поэтому-то отцы Церкви предметы вѣры (догматы) сравнивали съ пищею, обряды съ сосудомъ. Въ какой сосудъ мы ни положимъ пищу, значеніе ея насыщать не измѣнимъ. Какія три перста ни соединимъ для крестнаго знаменія, одну и ту же Св. Троицу представимъ въ умѣ. Какому виду креста Господня ни поклонимся, одному и тому же Распятому Христу воздадимъ честь и поклоненіе, ибо сила не въ перстахъ, а въ исповѣданіи Св. Троицы, и не въ концахъ древа, а въ знаменіи Распятаго, Ему же слава и держава во вѣки вѣковъ.

Два городка на рѣкѣ Шатѣ.

Н. Н. Нокровскаго.

Шатъ рѣка небольшая, беретъ свое начало изъ Иванъ-Озера (Епифанскаго уѣзда) и впадаетъ въ рѣку Упу при селѣ Присадахъ (Тульск. уѣзда), имѣя въ длину, такимъ образомъ, не болѣе 30 – 35 верстъ; въ ширину Шатъ имѣеть, обычно, до 20 саженей и въ глубину, среднимъ числомъ, до 5 аршинъ; берега его не рѣдко очень круты, и вода держится на значительной высотѣ, вслѣдствіе имѣющихихся на рѣкѣ пяти мельничныхъ запрудъ. Правый берегъ рѣки, почти на всемъ ея протяженіи, очень бугристый съ распаханными полями, а лѣвый большею частію – низкій, съ заливными лугами. На этой-то рѣчкѣ имѣются два интересныхъ, въ археологическомъ отношеніи, городка или городища: одинъ при селѣ Арсеньевѣ, Богородицкаго уѣзда, во владѣніи крестьянъ, а другой при селѣ Новомъ, Тульскаго уѣзда, въ имѣніи владѣльца Попова. Тотъ и другой городокъ находятся на правомъ берегу рѣчки; оба отрѣзаны отъ береговыхъ высокихъ бугровъ громадными валами и рвами, оба сходны по устройству и положенію, и оба имѣютъ о себѣ совершенно однородныя почти тожественные народныя преданія; только Арсеньевскій городокъ нѣсколько больше Ново-Сельскаго и немного разнится съ нимъ по внѣшней формѣ. Вотъ болѣе подробное описаніе этихъ городковъ.

А) Арсеньевскій.

При селѣ Арсеньевѣ собственно два городка, стоящіе рядомъ и раздѣленные безводной лощинкой, называемой „Поддѣлянки“¹⁾: стоящій ниже по теченію рѣки и называемый въ народѣ „городкомъ“, и другой въ пятнадцати—двадцати саженяхъ (ширина лощины) отъ первого, подъ названіемъ „Дворище“. Отъ сосѣднихъ береговыхъ бугровъ городокъ отдѣляется большой лощиной подъ названіемъ „Корничка“²⁾, а „дворище“—маленькой лощинкой безъ названія. Высота городка и „дворища“ одинакова—до двѣнадцати саженей; по объему же „дворище“ больше городка. Площадь второго въ длину имѣетъ до шестидесяти и въ ширину до тридцати саженей, а площадь первого—въ длину до семидесяти и въ ширину до сорока саженей. Съ сѣверной стороны къ „дворищу“ примыкаетъ деревня подъ названіемъ „Городище“.

Большій интересъ имѣеть лѣвый (со стороны рѣки) городокъ. Верхняя площадь его окружена съ трехъ сторонъ (кромѣ юговосточной) валами. Послѣдніе съ западной и восточной стороны въ настоящее время не велики: въ нихъ два или полтора аршина ширины и менѣе аршина высоты; сѣверный же валъ довольно значителенъ,—до трехъ саженей высоты и соотвѣтственной сему ширины. Городокъ имѣетъ два вѣзда: широкій—съ сѣверо-западной стороны, и узкій—тропинкой съ сѣверовосточной. Ко вѣздамъ съ боковъ городка, на половину его высоты, примыкаютъ довольно широкія (до трехъ саженей) террасы. Въ настоящее время онъ сохранились на восточной и западной сторонѣ городка. Старожилы помнятъ террасу и съ южной стороны, но эта терраса отоптана скотомъ, который держится здѣсь при рѣкѣ въ жаркое время стойломъ. А въ свое время городокъ окруженъ былъ одной террасой съ трехъ сторонъ, удобной для їзды. Съ сѣверной же стороны террасы выходятъ въ ровъ или оврагъ,

¹⁾ Название недавнее,—указываетъ собой на крестьянскіе ло-левые надѣлы, расположенные по этой лощинѣ.

²⁾ Название указываетъ на обиліе корней—пней по этой лощинѣ, оставшихся послѣ срублennаго стариннаго лѣса. Это—„большая“, такъ называемая, Корничка, а есть еще впадающая въ нее „маленькая Корничка“; расположенная при нихъ деревня также называется „Корничкой“.

дно котораго стоитъ на одномъ уровнѣ съ террасами; по этому рву идутъ съ обоихъ выѣздовъ городка дороги, спускающіяся затѣмъ внизъ. Земля, взятая изъ этого рва, очевидно, прямо употреблена была на сѣверную, верхнюю насыпь городка, и самый ровъ своей шестисаженной глубиной отрѣзываеть его отъ материка. Однако, послѣдній не начинается прямо за рвомъ: въ параллель съ нимъ идутъ еще двѣ гряды, раздѣленныя небольшимъ рвомъ, каждая до двухъ саженей высоты и десяти саженей длины. Площадь городка вся взрыта небольшими ямами, это — видимые слѣды былого жилья. О томъ же говоритъ множество мелкихъ осколковъ глиняной посуды и четыре на разныхъ мѣстахъ городка дикихъ яблони. Въ ряду этихъ ямъ особое вниманіе обращаетъ на себя большая яма, на самомъ краю площади городка, съ юговосточной стороны; яма — глубиною до трехъ съ половиною, длиною до двѣнадцати и шириной до восьми аршинъ. Яма эта соединяется съ глубокой впадиной въ откосѣ городка, идущей съ самаго верха до низу. Городокъ въ этомъ мѣстѣ какъ будто-бы сжатъ. На особыя соображенія вызываетъ это мѣстечко городка по слѣдующему случаю.— Въ 1892-мъ году, въ недѣлю Св. Пасхи, крестьянинъ деревни Городища А. Е. пошелъ на досугѣ полюбоваться на рѣку, посмотретьъ полую воду. Проходя мимо городка, онъ замѣтилъ край, торчащаго изъ него бревна, внизу самой впадины, идущей по откосу городка. Крестьянинъ оказался любознательный; онъ же и единственный хранитель мѣстныхъ преданій о городкѣ. Тотчасъ же онъ вернулся за лопатой и отрылъ семиаршинное дубовое бревно. Отрывая одно, онъ нашелъ и еще нѣсколько такихъ же другихъ. На другой день городищенскіе мужики стали копать здѣсь всѣмъ обществомъ. Имъ понравился находный дубъ, — семиаршинный ровный „накатникъ“, годный на домашнія подѣлки, особенно же усердіе ихъ въ раскопкѣ подогрѣвало мѣстное, пришедшее всѣмъ на память, преданіе, что въ этомъ, именно, мѣстѣ городка зарытъ кладъ. Клада крестьяне не открыли, но въ итогѣ ихъ работы оказались не менѣе клада интересные результаты. Въ данномъ мѣстѣ оказалось: идутъ изъ — подъ городка три дубовыхъ шести — семи вершковыхъ въ диаметрѣ трубы на трехъ аршинномъ разстояніи другъ отъ друга, и на этихъ трубахъ поперекъ наложенъ ровный, идущій въ глубь горы, дубовый „накатникъ“. При каждомъ углубленіи лопаты въ гору, такимъ образомъ, выкапывалось по бревну, и дубовая

трубы все болѣе и болѣе открывались. Не имѣя возможнѣстїи вытащить ихъ или даже раскачать, крестьяне только отруѣли отъ одной изъ нихъ конецъ, длиной въ аршинъ. На томъ раскопки крестьянъ и кончились: на днѣ копаемой ямы показался мѣшающій работѣ песокъ—плывунъ; прорыть къ лощинѣ стокъ для него они полѣнились. Дни Св. Пасхи прошли, и началасьѲомина недѣля, погода стояла прекрасная, и крестьяне, бросивъ свои раскопки, взялись за полевыя весеннія работы. Яма была забросана, а со временемъ и завалилась. Черный открытый дубъ употребленъ былъ на подѣлку рамъ, бронъ и пр., а частію проданъ въ городъ столярамъ. Однако, крестьяне видѣли, что работы ихъ раскопокъ прерваны были въ самомъ началѣ: въ глубинѣ разрытой горы виднѣлся дубъ, наложенный на трубы, и „не видно ему конца“, по ихъ выраженію.—Таковы данные совершенно случайныхъ и ничтожныхъ раскопокъ. Въ виду того, что мѣсто этихъ раскопокъ находится на одной линіи съ имѣющейся тутъ же надъ ними на поверхности городка значительной ямой и идущей отъ нея по откосу городка до самаго низу впадиной, мысль невольно приходитъ къ предположенію, что въ данномъ мѣстѣ когда-то былъ погребъ (?), со временемъ обвалившійся. Въ него былъ входъ, а можетъ быть и вѣзда чрезъ широкій, прорытый въ глубь горы туннель. Выходящія изъ подъ горы дубовыя трубы могли быть сточными. Наложенный на нихъ дубъ служилъ помостомъ или поломъ для прохода, и этотъ проходъ могъ быть довольно широкъ,—до шести—семи аршинъ, если судить о немъ по откопаннымъ расколаннымъ вдоль дубамъ. Со временемъ же погребъ обвалился, и надъ нимъ на горкѣ образовалась яма, обвалился и туннель, и въ откосѣ городка образовалась впадина или ущелье. Таковы предположенія, но и—только предположенія. Правдивость ихъ можетъ быть обнаружена только послѣ надлежащихъ правильныхъ раскопокъ.

Въ настоящее время городокъ ничѣмъ не застроенъ, не служитъ ни для посѣвовъ, ни для сѣнокосовъ, никогда на немъ не бывало, насколько помнятъ старожилы, ни шалашей, ни какихъ другихъ строеній, вродѣ кирпичныхъ сараевъ или ямъ для обжиганія кирпичей. По городку свободно бродитъ скотъ, который лѣтомъ держится здѣсь же, при рѣкѣ, стойломъ.

Другой городокъ—„дворище“, хотя и больше первого по величинѣ, но совсѣмъ менѣе интересенъ. Съ сѣверной стороны онъ отрѣзанъ отъ материка большимъ оврагомъ,—до десяти

сажень глубины, и укрепленъ валомъ, до десяти аршинъ высоты. Валъ на дворищѣ имѣется только съ этой стороны, со всѣхъ же прочихъ сторонъ нѣтъ даже и слѣдовъ, по которымъ бы можно было судить о возможномъ существованіи когда-либо валовъ и здѣсь. Сѣверный валъ въ настоящее время полураскопанъ. Такъ какъ онъ состоитъ изъ глины и песку, то мѣстные крестьяне издавна пользовались ими изъ этого вала для своихъ потребностей; и въ недавнее время брали отсюда же глину для выдѣлки кирпичей, при чёмъ самый кирпичный сарай и яма—обжига поставлены были здѣсь же на дворищѣ. Дворище такъ же, какъ и городокъ, имѣетъ два вѣзда: небольшой съ западной стороны и большой въ сѣверовосточномъ углѣ. Дворище около вала изрыто ямами, но въ южной своей части, а особенно въ юго-западной настолько ровно и гладко, что у крестьянъ носитъ название „площадки“. И здѣсь почва не пашется и не сѣвается, а служитъ выгономъ для скота. Еще чего нибудь замѣчательного на дворищѣ не видно. Не замѣтно ничего выдающагося и на соседнихъ буграхъ, называемыхъ „острякъ“ и „маленькая гора“.

Вся эта мѣстность, по правому, высокому берегу Шата еще въ сравнительно недавнее время была покрыта лѣсомъ. Остатокъ его представляетъ въ настоящее время примыкающій съ западной стороны къ городку молодой лѣсокъ изъ березъ и осинъ, поднявшійся на мѣстѣ срубленнаго около сорока лѣтъ тому назадъ, такъ что лѣсъ здѣсь, по мѣстному выражению, былъ „съ—поконъ вѣку“ (—съ давнихъ, исконнихъ лѣтъ). На бывшій когда то лѣсъ около городка указываетъ и вышеупомянутое название лощинъ „Корничка большая“ и „Корничка маленькая“. Продолженіемъ этого лѣса былъ срубленный назадъ тому также около сорока лѣтъ большой лѣсъ Арсеньевскій, за двѣ версты отъ котораго теперь тянется казенная засѣка. О бывшихъ когда то лѣсахъ съ восточной стороны городковъ говорятъ теперь опять только одни названія мѣстностей. Въ сотни шагахъ отъ городковъ мѣстечко на берегу рѣки называется „подъ-лазинникомъ“, хотя здѣсь нѣтъ ни одного дерева, но на днѣ рѣки около этого мѣста имѣется множество громадныхъ пней, известныхъ рыболовамъ, гдѣ обычно стоитъ рыба, а на разстояніи четверти версты отсюда находится деревня „Дубовка“, хотя тамъ также нѣтъ теперь ни одного дуба.

Поселковъ около городка, кромѣ деревни Городища, нѣтъ. Село Арсеньевское отстоитъ отъ него въ полуторы версты.

Но оно недавняго происхожденія. Древнія же поселенія были въ другомъ мѣстѣ, и ближе къ городку. Во 1-хъ, около самаго городка, съ сѣверной его стороны, была когда-то церковь. Въ данномъ мѣстѣ теперь поле съ посѣвами. О дѣйствительномъ существованіи здѣсь церкви и даже кладбища при ней свидѣтельствуютъ выпаханные здѣсь въ очень недавнее время остатки церковныхъ облаченій, церковное жертвенное копье, часто попадавшіяся подъ сохой могильные плиты и множество костей. Само поле на протяженіи полудесятины усыпано мелкими камнями и осколками—черенками. Поселокъ Городище называется обычно (и пишется по традиціи въ церковныхъ книгахъ) не деревней, а „сельцомъ“.

Слѣды былого когда-то жилья вблизи городка находятся еще въ двухъ мѣстахъ: по безводной лощинкѣ „Кислинкѣ“, впадающей въ „Корничку“, и ниже городка, по течению рѣки, на сто—сто пятьдесятъ саженей отъ него, на правомъ же берегу, называемымъ „камennomъ“. По Кислинкѣ до недавняго времени находили косари, тесаки, „неудѣльные, горбоносые большіе молотки“, широкіе топоры, много мелкихъ серебрянныхъ монетъ, такъ называемыя „косыя копеечки“. Одинъ крестьянинъ (живъ и теперь) однажды нашелъ ихъ цѣлую кучку,—около горсти. На „камennomъ“ же берегу Шата, кромѣ находимыхъ серебрянныхъ денегъ, находятся и другіе слѣды бывшаго жилья: камни, черепки, рыхлая („правовая“, по мѣстному выраженію) земля ³⁾ и пр. Мѣсто бывшаго жилья—не болѣе какъ въ полъ-десятины. Оба названныхъ мѣста всегда привлекаютъ къ себѣ любопытныхъ, заставляя ихъ ходить и разматривать поле, не найдется ли чего-либо цѣннаго. Монеты обычно попадались на только что вспаханомъ полѣ и непремѣнно послѣ дождя: соха выспахивала ихъ на поверхность, а дождь обмывалъ ихъ, дѣлалъ блестящими и замѣтными. По разсказу старожиловъ, они помнятъ своего рода специалистовъ отыскивать серебрянныя монеты такимъ образомъ. Замѣтивъ надвигающуюся тучку, одинъ изъ такихъ специалистовъ имѣлъ обыкновеніе запрягать тотчасъ же лошадь въ соху,ѣхать быстро на Кисленку или къ каменному берегу, проѣхать 4—3 борозды въ извѣстномъ

³⁾ Въ центрѣ этого мѣстечка на аршинъ подъ почвой желѣзный прутъ втыкаемый въ землю, опускаетъ камни и стучитъ о нихъ. Ощупываемые и „звенящіе“ подпочвенные камни составляютъ сплошную площадку около девяти квадратныхъ саженей.

мѣстѣ и потомъ, переждавъ тамъ же въ полѣ дождь, искать и отыскивать съ усиліемъ серебряныя монеты. Крестьянинъ, о которомъ идетъ рѣчь, по словамъ старожиловъ — очевидцевъ, былъ особенно счастливъ на такія находки. Вернувшись изъ военной службы, разсказываетъ старожилъ — очевидецъ, чрезъ двадцать пять лѣтъ, онъ на другой же день, со словами: „пойду, поищу своего таланту“, отправился на пашню къ рѣкѣ искать деньги и чрезъ какія нибудь десять минутъ на глазахъ разсказчика нашелъ серебряную монету. Серебряныя монеты, находимыя на „Каменномъ“ берегу, отличаются отъ монетъ находимыхъ по Кисленкѣ: по величинѣ и по формѣ они значительно больше тѣхъ, величиной въ настоящій пятиалтынныи и всегда съ усѣченнымъ краемъ. Изъ найденныхъ серебряныхъ монетъ, къ несчастію, ни одной не сохранилось: крестьяне тотчасъ же ихъ сбываются въ городъ серебрянщикамъ за безцѣнокъ, а найденные орудія или бросаютъ безъ вниманія или передѣлываютъ на кузнѣ.

Не богаты содержаніемъ и существующія народныя преданія о городкѣ. На первомъ мѣстѣ въ нихъ фигурируютъ, понятно, неисчислимыя зарытыя въ городкѣ сокровища. Чего, чего не сочинила фантазія мѣстнаго обывателя! — Одни говорятъ, что въ погребкѣ подъ городкомъ зарыта карета, полная золота, по словамъ другихъ, при впаденіи Корнички въ Шатъ, гдѣ нѣкогда была, такъ называемая, „Марьинская“ мельница, затоплена полная золотомъ лодка; по разсказу третьихъ, ноперекъ всей рѣки, противъ городка зарыта на днѣ труба съ золотомъ и пр... Въ деревнѣ городищѣ указывали старуху (недавно умершую), которая, отправившись въ лѣсокъ, прилегающій къ городку, за грибами, видѣла будто бы открытые ворота (только не въ городкѣ, а въ дворищѣ), входила въ нихъ и пр..., но на обратномъ пути изъ лѣсу ничего уже не оказалось. Передается и много другихъ подобныхъ же разсказовъ, при чемъ всѣ эти фантастическія ткани непремѣнно позолочены въ изобиліи золотыми нитями и золотыми узорами.

Кто жилъ на городкѣ и дворищѣ? Преданіе единогласно отвѣчаетъ: „разбойники Кудеяры“ ⁴⁾). Ихъ было здѣсь три брата. Они были богаты, знатны и необычайно, даже до чудеснаго, сильны. Два изъ нихъ жили въ трехъ верстахъ на

⁴⁾ Имя разбойника Кудеяра въ народѣ стало нарицательнымъ.

востокъ, при деревнѣ Масловкѣ (гдѣ имѣются искусственные историческіе валы). Тѣ и другіе, между прочимъ, перекидывались между собой на такомъ дальнемъ разстояніи орудіями и всякаго рода предметами. Одинъ спрашивалъ другого: „Братъ, дай топоръ или ломъ“, и тотъ перебрасывалъ ему ихъ за три версты. Жили братья Кудеяры и при селѣ Бельковѣ, на западъ отъ городка, въ четырехъ верстахъ (гдѣ имѣется громадный могильный курганъ), и также перебрасывались орудіями. Въ случаѣ нападеній враговъ на городокъ или дворище, Кудеяры, — разсказываетъ преданіе, скатывали на нихъ сверху бревна. Больше этого народныя преданія ничего не говорятъ.

В) Ново-Сельскій.

Новосельскій городокъ не менѣе интересенъ, чѣмъ городокъ Арсеньевскій; но и опять свѣдѣнія о немъ очень небогаты. Онъ значительно менѣе и ниже Арсеньевскаго: высота его надъ рѣкой около шести — семи саженей, длина около сорока и ширина около двадцати пяти саженей.

Укрѣпленія городка все же внушительны. Валомъ онъ окружены такъ же, какъ и Арсеньевскій городокъ, съ трехъ сторонъ, за исключеніемъ юго-восточной, и валъ здѣсь вездѣ ровный, очень крутой и высокій до двухъ саженей. Такъ же, какъ и на томъ городкѣ, съ юго-восточной стороны большая впадина по откосу городка, — сверху до низу, указывающая на предполагаемый подъ ней погребъ, но ямы надъ ней вверху на площади городка нѣтъ; можетъ быть, ея никогда и не бывало, а можетъ и была, но теперь запахана и заровнена вмѣстѣ съ другими ямами, такъ-какъ на городкѣ пашутъ и сѣютъ хлѣбъ. Отъ материка городокъ отрѣзанъ съ трехъ сторонъ рвомъ. Глубиной и шириной ровъ не одинаковъ: съ западной стороны глубиной до двухъ — трехъ и шириной до семи — восьми саженей, а на сѣверной глубиной до четырехъ — пяти и шириной до десяти — двѣнадцати саженей. Съ восточной стороны имѣется выѣздъ съ городка въ ровъ и по рву на лугъ къ рѣкѣ. И здѣсь на городкѣ, видимо, недавно была осѣдлость: по валамъ въ обиліи разсыпаны черепки, а по откосамъ растутъ двѣ дикихъ яблони и одинъ кустъ рябины.

Будучи сходенъ съ Арсеньевскимъ городкомъ по своему положенію и устройству, Новосельскій городокъ имѣетъ и

однородныя о себѣ преданія. Разница здѣсь только въ названіяхъ. Вместо лодки или кареты съ золотомъ, фантазія помѣстила на дно рѣки—боченокъ съ золотомъ, за который будто бы обычно задѣваютъ рыбакіе невода, но вытащить его не удается, и онъ со звономъ скатывался изъ неводовъ на дно. Дно же здѣсь очень глубоко,—до семи аршинъ, и подробнѣе изслѣдователь его крестьянамъ не удается. Имѣются и здѣсь ворота, ведущія въ городокъ, на мѣстѣ боковой впадины, видимыя только въ особые часы и для избранныхъ. Рассказываютъ, какъ чрезъ эти ворота вошелъ въ городокъ „какъ разъ между утреней и обѣднею“ дьячекъ сосѣдняго села Мещерскаго, видѣлъ въ городкѣ богатство, пилъ тамъ дорогое вино и закусывалъ яствами, но напился пьянъ, свалился тамъ же въ городкѣ, а проснулся на другой день на полѣ въ межевой ямѣ. Жили и на этомъ городкѣ, говорить преданіе, тоже богатыри, но не разбойники, и также перекидывались съ своими сосѣдями—богатырями за нѣсколько верстъ разными орудіями.

Оба городка, безъ сомнѣнія, имѣютъ свой значительный археологический интересъ. Пока онихъ приходится сообщить очень мало свѣдѣній. Дѣло по необходимости ограничивается одной топографіей. Иное дѣло, если бы они были подвергнуты археологическому изслѣдованию. Какія нибудь случайныя раскопки Арсеньевскаго городка,—и тѣ принесли интересные результаты. Систематическая же археологическая раскопки и, вообще, научная изслѣдованія этихъ городковъ въ настоящее время болѣе чѣмъ желательны. Говоримъ: „въ настоящее время“ потому, что всеразрушающее время кладетъ и на нихъ свою тяжелую руку: валы на городкахъ, террасы, ямы и прочія особенности въ ихъ устройствѣ быстро зарастаютъ, стираются, сглаживаются и выравниваются съ прочей поверхностью. Назадъ тому пятнадцать—двадцать лѣтъ городки, говорятъ старожилы, имѣли значительно иной видъ: такъ все заросло и пообвалилось...

Село Лаптево-Ростиславо и его храмы (Тульского уезда).

А. Гр. Дружинина.

Село Ростиславо-Лаптево, въренѣе—Ростислово-Лаптево, находится въ 33 верстахъ отъ Тулы, къ сѣверу, и въ 1 верстѣ отъ станціи „Лаптево“ Моск. Кур. ж. д. Ближайшія къ нему села—Руднево, въ 4 вер. къ сѣверу, Гайтерово, въ 6 вер. на востокъ, Боровково, въ 5 вер. къ юго-востоку, Архангельское-Хвошня, въ 3 вер. къ западу, Бирево и Кирѣевское, въ 7 вер. къ сѣверо-западу. Село расположено при слияниіи двухъ рѣчекъ Вашины и Глѣбушки, впадающей подъ прямымъ угломъ въ Вашину. На погостѣ села находятся: деревянный храмъ Покрова Пресвятой Богородицы, вновь выстроенный каменный храмъ, церковная сторожка, церковно-приходская школа, дома священника и псаломщика и (временно) церковный кирпичный заводъ. Приходъ села Лаптева составляютъ 7 мелкихъ деревень, расположенныхъ вокругъ села: 1) Лаптево въ $\frac{1}{2}$ вер. на востокъ, 2) Васькино въ 2 вер. на востокъ, 3) Макаево въ 3 вер. на сѣверо-востокъ, 4) Тормино въ 2 вер. на сѣверъ, 5) Качалово, Матово тожъ, въ 1 вер. на западъ, 6) Шилово въ 1 вер. на югъ и 7) Владычня въ 3 вер. на юго-востокъ. Въ поименованныхъ деревняхъ въ общей сложности 169 дворовъ, 593 души муж. п. и 623 души жен. п. Церковной писцовой земли по плану 1770 года значится 92 дес. 234 кв. саж. Почва суглинистая. Мѣстность довольно высокая, сухая, холмистая, не бѣдная лѣсами и для здоровья благопріятная.

Въ составъ Тульскаго уезда село вошло въ концѣ прошлаго столѣтія. Прежде-же оно числилось въ Мстиславскомъ станѣ Каширскаго уезда.

Изъ двухъ теперешнихъ названій села названіе „Ростислово“—древнее и, вѣроятно, первоначальное, а название „Лаптево“ позднѣйшее. Название Ростислово употребляется уже въ документахъ XVI в. и именно—какъ Ростисло, съ очевиднымъ удареніемъ на и. Въ такой-же формѣ название это всегда

употреблялось и въ прошломъ столѣтіи, измѣняясь часто въ Растислово¹⁾.

Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и притомъ въ записяхъ и бумагахъ мѣстного происхожденія, встрѣчается переименование этого названія въ Растиславъ, или Ростиславъ²⁾. Названіе села въ этой формѣ дало поводъ думать, что здѣсь нѣкогда былъ городъ Ростиславль, принадлежавшій къ удѣлу князей Рязанскихъ и разрушенный до основанія татарами³⁾. Какъ бы то ни было, но, по мѣрѣ измѣненія народнаго говора, рассматриваемое название въ той ли или иной формѣ стало представляться затруднительнымъ, и явилась потребность то измѣнять и сокращать его (напр. „Растлово“ въ надписи на колоколѣ 1766 года), то замѣнять его другимъ, болѣе простымъ названіемъ. Чаще всего стали переносить на село болѣе простое название ближайшей къ нему приходской деревни „Лаптево“ (село у Лаптева—село Лаптево), каковое название села къ концу прошлаго столѣтія уже настолько утвердилось, что въ обыденной рѣчи прежнее название Ростислово совсѣмъ было забыто, и село стало называться просто Лаптевымъ, а въ языкѣ офиціальномъ начали употреблять двойное название села: Ростислово, Лаптево тожъ, или—короче: Ростислово-Лаптево, переименованное потомъ въ Ростиславъ-Лаптево.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ возникло село Ростиславъ-Лаптево, когда и кѣмъ построена была въ немъ первая церковь, неизвѣстно. Въ народѣ существуетъ смутное преданіе, что здѣсь былъ монастырь и другой храмъ во имя Св. Николая Чудотворца⁴⁾. Вершина, въ которой, какъ полагаютъ, стоялъ этотъ храмъ, въ разстояніи версты отъ теперешняго храма на сѣверъ, и доселѣ называется „Никольскою вершиною“, а стоящая на половинѣ этого разстоянія въ полѣ одинокая дикая яблоня, говорятъ, представляетъ собою остатокъ бывшаго здѣсь монастырскаго сада. Правда, въ селѣ Ростисловѣ, какъ увидимъ, была прежде Николаевская

1) Книги и антиминсъ.

2) Первый началъ писать въ этой формѣ название села въ церковныхъ книгахъ священникъ Иоаннъ Феодор. Глаголевъ, священствовавшій здѣсь съ 1814 г. Послѣ него название Ростиславъ и утвердиось въ мѣстной письменности навсегда. Но замѣчательно, что на антиминсѣ 1790 г. Растислово—съ ударениемъ на и.

3) Мѣстная церковная лѣтопись 1893 года страница 6-я.

4) Церковная лѣтопись страница 6.

церковь, но была-ли она когда-нибудь монастырскою и гдѣ, именно, находилась, для определенія этого нѣтъ никакихъ данныхъ.

Самая раннія достовѣрная свѣдѣнія о церкви с. Ростислова даются въ писцовыхъ книгахъ по Каширскому уѣзду отъ 1578—1579 г.г. Здѣсь говорится: „Въ Мстиславскомъ станѣ.... на царя и великаго князя землѣ.... погостъ Ростисловской, на Вошанѣ, а на погостѣ церковь Никола Чудотворецъ, деревянная, клѣцки, а въ церкви образы и свѣчи и колокола и книги...., а на погостѣ 5 дворовъ церковнаго причету, да 3 кельи⁵), пашни церковные 50 четыри въ полѣ, а въ дву потому жъ⁶), сѣна по Вошанѣ и межъ поль 100 коп.⁷), лѣсу непашенного межъ поль полтрети десятины⁸).

Итакъ, болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ XVI столѣтія, существовало уже село (погостъ) Ростислово, и въ немъ была деревянная церковь во имя Св. Николая Чудотворца съ полною обстановкою и съ полнымъ составомъ причта⁹). Но гдѣ, именно, находилась церковь: на мѣстѣ ли теперешней церкви, или въ Никольской вершинѣ--- остается неизвѣстнымъ; слово „на Вошанѣ“ одинаково можетъ подходить къ обѣимъ этимъ мѣстностямъ, такъ какъ и Никольская вершина упирается въ Вошану. Однако, наименование вершины Никольскою указываетъ, повидимому, на то, что пока существовала въ Ростисловѣ Николаевская церковь, она находилась въ этой вершинѣ, и лишь съ построениемъ церкви на теперешнемъ мѣстѣ церковь стала Покровскою; только страннымъ представляется то обстоятельство, что по плану генерального межеванія 1770 года Никольская вершина и прилегающая къ ней земля не принадлежитъ церкви, между тѣмъ какъ, если тамъ были церковь и уселки причта, она должна бы быть церковною. Несомнѣнно одно, что Николаевская церковь XVI в. была въ свое время въ Ростисловѣ единственою церковью и была тогда приходскою, а не монастырскою.

⁵) Кельями называли тогда родъ нынѣшихъ богадѣленъ: отдельныя избушки для нищихъ, питавшихся при церкви подаяніемъ.

⁶) По нынѣшнему счету 75 десятинъ.

⁷) Около 7 десятинъ.

⁸) Писцовая книга Московского государства XVI в. Изд. подъ ред. Калачева, СПБ. 1877 года ч. 1 отд. II, стр. 1487.

⁹) Пятый дворъ „церковнаго причету“, вѣроятно принадлежалъ обычной въ то время просвирницѣ или „проскурницѣ“.

За XVII столѣтіе имѣются свѣдѣнія о другой церкви села Ростислава-Лаптева. Въ описи церковнаго имущества 1819 г., хранящейся въ архивѣ Лаптевской церкви, на поляхъ первыхъ трехъ страницъ сдѣлана въ 1822 г. рукою мѣстнаго священника Иоанна Глаголева запись о прежнихъ церквяхъ села Р. Лаптева, основывавшаяся, по всѣмъ признакамъ, на имѣвшихся у него подъ руками документальныхъ данныхъ¹⁰⁾.

Здѣсь сказано, что „по усердію прихожанина онаго села построена церковь и освящена при Преосвященномъ Коломенскомъ и Каширскомъ Павлѣ и при священникѣ онаго села Вуколъ лѣта отъ созданія міра 7183 Іюля въ 8 день, т. е. отъ Рожд. Хр. 1675 г... которая церковь и продана въ село Антоны и въ ономъ селѣ долго стояла, а потомъ сгорѣла и то село уже свелось“. Изъ дальнѣйшихъ строкъ записи видно, что церковь, построенная вмѣсто той проданной, освящена была въ 1737 году. Поэтому надо полагать, что продажа церкви, освященной въ 1675 г., состоялась около этого времени, т. е. въ 1737 г. или немного позже.

Была-ли эта церковь XVII в. Николаевскою, или была Покровскою, и гдѣ она стояла – неизвѣстно. Есть, впрочемъ, нѣкоторое основаніе полагать, что она стояла на мѣстѣ теперешней церкви или близъ этого мѣста, такъ что имѣла одно съ нею кладбище. Въ фундаментѣ теперешней деревянной церкви съ южной стороны положены два надмогильныхъ памятника XVII в. (1646 и 1674 г.г.) съ вязевыми надписями; естественнѣе всего предположить, что они потому и взяты въ фундаментъ, что находились въ чертѣ его или подлѣ него, на окружающемъ теперешнюю церковь кладбищѣ, а если такъ, то на томъ же самомъ кладбищѣ, на которомъ стоитъ теперешняя деревянная церковь, стояла церковь и въ XVII в. и при томъ не только та, которая освящена была въ 1675 г., но и та, которая была раньше ея, при которой, напр. погребали умершихъ въ 1646 г.¹¹⁾.

¹⁰⁾ Такъ по крайней мѣрѣ, позволяютъ думать, съ одной стороны, точная хронологическая указанія записи, а съ другой стороны – годъ этой записи – 1822-й. Въ этомъ году, какъ увидимъ ниже, Лаптевская церковь разбиралась до основанія; очень возможно, что при этомъ найдены были какие-нибудь записи или документы, подъ впечатлѣніемъ которыхъ священникомъ Глаголовымъ и сдѣлана была упомянутая приписка на поляхъ описи.

¹¹⁾ Невозможно думать, чтобы Николаевская церковь, упоминаемая въ писцовыхъ книгахъ 1578—79 г.г. просуществовала до

Такъ какъ упомянутые выше памятники положены въ церковный фундаментъ надписями наружу, то изъ надписей мы узнаемъ имена двухъ прихожанъ и, можетъ быть, благотворителей Р. Лаптевской церкви XVII в. На памятнике, лежащемъ подъ настоящей, близъ пантерти, значится: „Лѣта 7154 (т. е. отъ Рожд. Хр. 1646 г.) Ноября въ 26 д. преставися рабъ Божій Дементій.... Алексіевичъ Хрушовъ“. На другомъ памятнике, лежащемъ подъ алтаремъ, написано: „Лѣта 7182 (т. е. 1674 г.) Генваря въ 6 д. преставися раба Божія двца Ирина Алексіевна Хрушова“.

О церкви, замѣнившей собой проданную въ Антонье, въ упомянутой выше записи свящ. Глаголева сказано, что она „построена прихожаниномъ онаго села Гавріиломъ Ивановичемъ Хрушовымъ при Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, по благословенію Преосвящ. Веніамина, Епископа Коломенскаго и Каширскаго, и освящена отъ сотворенія міра 7245 года Маія въ 1-й день, а отъ Рожд. Хр. 1737 г., итого оная церковьостояла до 1822 года 85 лѣтъ и простоявшіи началась въ семъ году возобновляться“.

Изъ описи 1819 г. видно, что „оная церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы“ была „деревяннаго зданія, покрыта тесомъ сосновымъ, безъ колокольни“. Иконостасъ въ ней былъ пяти-ярусный, „столярной работы, выкрашенъ зеленою краскою, а по приличнымъ мѣстамъ и вызолоченъ; царскія двери рѣзбенныя, позлащеныя листовымъ золотомъ“ ¹²⁾. Иконы и вся утварь церковная имѣлись въ достаточномъ количествѣ. Колокола, за неимѣніемъ колокольни, висѣли на столбахъ; ихъ было пять: 1-й вѣсомъ въ 15 п. 30 ф., 2-й 5 п. 28 ф., 3-й 1 п. 15. ф., 4-й и 5-й „небольшіе, въ коихъ вѣсу не означено“. Изъ этихъ колоколовъ первые три звонятъ и теперь,

1675 г., т. е. цѣлое столѣтіе. Вѣрнѣе предположить, что послѣ нея была еще церковь, существовавшая до 1675 г. Очень возможно, что въ началѣ XVII в., въ эпоху смутнаго времени, Николаевская церковь и Ростисловскій погостъ писцовъ книгъ, находившіеся въ Никольской вершинѣ, были разрушены до основанія какимъ-нибудь вражескимъ отрядомъ и послѣ этого была поставлена на теперешнемъ погостѣ новая церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы въ ознаменованіе какого-нибудь благодѣтельнаго события изъ той-же эпохи.

¹²⁾ Эти царскія двери, не представляющія, впрочемъ, особеннаго интереса, сохраняются при Лаптевской церкви и доселѣ.

въ качествѣ 2-го, 3-го и 4-го (такъ какъ въ 1862 г. купленъ новый большой колоколъ въ 50 п. 30 ф.), а тогдашніе 4-й и 5-й обмѣнены въ 1825 году на теперешній 5-й вѣсомъ въ $38\frac{1}{2}$ ф. На указанныхъ трехъ колоколахъ имѣются вязевые надписи съ обозначеніемъ жертвователей ихъ и времени по-жертвованія. На первомъ (теперь 2-й) въ одну строку такая надпись: „1783-го Марта 11-де сей колоколъ принадлежить Тульского уезда села Ростислова церкви Покрова Пресвятой Богородицы выменили прихожени майор Егор. Крюков. и порутчикъ Николай Важенковъ вѣсу 15 пуд 30 фунтъ.“ На второмъ (теперь третьемъ) колоколѣ надпись слѣдующая: „1766 году Февраля 17 дня вымененъ сей колоколъ в Каширско уѣздѣ всело Раствово церкви Покрова Богородицы маорами Михаилом Куковим“ (вѣроятно Крюковымъ). И внизу: „Вѣсу 5 пуд 28 фунтъ.“ На третьемъ (теперь четвертомъ) колоколѣ болѣе краткая надпись: „1783 го Марта 11 де выменил прихожанин Иван Важенков Вѣсу 1 п. 15 ф.“

Изъ документовъ прошлаго столѣтія хранятся въ церкви: планъ и межевая книга на церковную землю 1770 г., копіи исповѣдныхъ росписей съ 1781 г. и церковныя приходо-расходныя книги съ 1789 г.¹³⁾. По генеральному межеванію 1770 г. за церковью с. Р. Лаптева значится: земли пашенной 67 д. 354 кв. с., лѣсной мелкой поросли 2 дес. 1600 кв. с., сѣнныхъ покосовъ 14 дес. 1800 кв. саж., подъ усадьбами и огородами причта 3 д. 800 кв. с., подъ церковью и кладбищемъ 1520 кв. с., подъ проселочными дорогами 1 д. 1800 кв. с., подъ Вашаной, Глѣбушкой и протокомъ 1 десят. 1960 кв. с., а всего 92 дес. 234 кв. с.¹⁴⁾.

Деревянная церковь, во имя Покрова Пресв. Богородицы, освященная въ 1737 г. исуществовавшая еще въ первой чет-

¹³⁾ Копіи метрическихъ книгъ имѣются только съ 1802 г., а обыкновныя брачныя книги съ 1803 г.

¹⁴⁾ Для сравненія этого количества земли съ количествомъ писцовыхъ книгъ XVI в. нужно взять только три первыя цифры, такъ какъ земля подъ усадьбами и огородами причта, подъ церковью и кладбищемъ, подъ проселочными дорогами и подъ рѣчными протоками въ писцовыхъ книгахъ не считалась; получимъ $84\frac{1}{2}$ дес., тогда какъ по писцовымъ книгамъ выходило около 82 десят. Незначительная разница около 3 дес. могла получиться отъ того, что счетъ писцовыхъ книгъ былъ приблизительный, основывавшійся не на геометрическомъ измѣреніи, а на количествѣ высыпаемаго хлѣба, собираемаго сѣна и т. п.

верти нынѣшняго столѣтія, въ 1822 г., какъ сказано было выше, была возобновлена. Возобновленіе это, впрочемъ, состояло въ полной перестройкѣ ея. Въ упомянутой выше записи свящ. Глаголева, современника этой перестройки, говорится обѣ этомъ такъ: „Итого оная церковь (освященная въ 1737 г.) простояла до 1822 г. 85 лѣтъ и простоявши нача-лась въ семъ году возобновляться. Возобновлялась оная 1822 го-да съ 23 Апрѣля, ибо она въ сіе число сломана до основа-нія, а начала постановляться на каменной фундаментѣ 4 Мая и продолжалась позобновленіемъ по 18 Февраля 1823 года и въ оное число Преосв. Дамаскинымъ освящена.... Освященіе было архіерейское по чиноположенію“. Эта, перестроен-ная въ 1822 году и освященная въ 1823 г. церковь и существуетъ до настоящаго времени. О перестройкѣ и освя-щеніи ея, кромѣ приведенной записи, сообщаетъ и особая печатная табличка, существующая доселѣ въ деревянной рамкѣ за стекломъ на стѣнѣ въ паперти, передъ входомъ въ на-стоящую; здѣсь говорится: „Храмъ сей возобновленъ 1822 го-да стараніемъ прихожанина сельца Шилова помѣщикомъ майоромъ Алексѣемъ Крюковымъ. А освящаль самъ Пре-освященный Дамаскинъ 1823 года Февраля 18“. Въ описи церк. имущ. 1857 г. также говорится, что „церковь деревянная во имя Покрова Пресв. Богородицы, построена въ 1822 г. тщаніемъ прихожанина слд. Шилова майора Алексѣя Михайлова Крюкова“.... Въ церковной лѣтописи (л. 6 и 16) къ этому добавляется, что въ построеніи теперь суще-ствующей церкви принимала участіе и помѣщица слд. Ши-лова Надежда Крюкова. Кромѣ того, въ описи, составленной въ 1823 г. предъ освященіемъ церкви, указывается, что она построена по плану и фасаду, утвержденному Преосв. Да-маскинымъ 31 Янв. 1822 г. Этотъ планъ, составленный архи-текторомъ Ивановымъ и составляющей, дѣйствительно, точный прототипъ теперешней деревянной Лаптевской церкви, хра-нится и доселѣ въ церкви съ другими церковными докумен-тами. Какъ видно изъ описей 1823 и 1857 г.г., архитектор-скій планъ церкви былъ выполненъ не сразу; церковь была выстроена сперва безъ колокольни, колокольня же была по-строена въ 1824 г. Какъ церковь, такъ и колокольня по-строены изъ сосноваго лѣса и поставлены на каменномъ фун-даментѣ, стѣны снаружи обшиты еловымъ тесомъ; покрыта вся церковь по деревянному стропильнику листовымъ желѣ-зомъ, и кровля окрашена мѣдяникою; главы настоящей и ко-

колокольни сдѣланы изъ листового желѣза, а шпиль колокольни былъ обитъ бѣлой жестью; кресты желѣзные; на настоящей крестѣ сперва былъ выкрашенъ „англинскою желчію“, а впослѣдствіи, какъ и крестъ колокольни, вызолоченъ. Снаружи при сѣверныхъ и южныхъ выходныхъ дверяхъ устроены портики, каждый съ каменнымъ поломъ и четырьмя кирпичными круглыми колоннами, поддерживающими верхніе фронтоны. Окна церкви широкія, итальянскія, безъ рѣшетокъ, съ деревянными наружными ставнями, запирающимися желѣзными боутами. Полъ и потолокъ въ церкви досчатые. Стѣны снаружи ко времени освященія не были выкрашены, но потомъ въ 1823 же году они были раскрашены сурикомъ и бѣлыми подъ кирпичная плиты, отдѣлявшіяся другъ отъ друга бѣлыми швами, а фундаментъ былъ раскрашенъ подъ мраморъ. Къ 1857 г. эта окраска стѣнъ была замѣнена свѣтлорозовою, а въ послѣднее время—кирпичнаго цвета, каковая окраска сохраняется и теперь. Внутри церковь въ 1851 г. росписана постѣнною живописью. Иконостасъ трехъ-ярусный. Царскія врата имѣютъ форму двухстворчатыхъ рѣшетчатыхъ воротъ, рѣшетки которыхъ сдѣланы изъ легкихъ полуколоннъ, украшенныхъ снизу и сверху рѣзьбою. Къ 1847 г. колокольня значительно обветшала и въ 1848 г. была перестроена по тому же плану ¹⁵⁾.

Такъ какъ описанная церковь за все время своего существованія была холодною, то по зимамъ священно-церковно-служителями и прихожанами ощущалась настоятельная потребность если не въ отопленіи всей церкви, то, по крайней мѣрѣ, въ устройствѣ для зимы теплаго придѣла. Эта общая потребность удовлетворена была усердіемъ тогдашняго прихожанина изъ крестьянъ слц. Владычи Тульскаго купца Сергея Тимофеевича Данкова, проходившаго при Лаптевской церкви должность церковнаго старосты въ продолженіе 12 лѣтъ. Онъ посредствомъ пристройки къ сѣверной сторонѣ церкви устроилъ въ 1860 г. теплый деревянный придѣлъ во имя Божіей Матери, именуемой Споручицею грѣшныхъ, въ каковомъ придѣлѣ совершаются по зимамъ Богослуженіе и до настоящаго времени.

Въ 1862 г., какъ сказано было выше, къ церковному звону, унаслѣдованному отъ прошлаго столѣтія, прибавленъ былъ

¹⁵⁾ Клировыя вѣдомости за 1847 и 1848 г.г.

вновь купленный большой колоколъ, вѣсомъ въ 50 п. 30 ф. (кромѣ языка въ 1 п. 27 ф.). Исторія этого колокола кратко изложена въ сдѣланной на немъ надписи. Надпись состоить изъ трехъ строкъ. Въ первой верхней строкѣ вырѣзано: „Тульской губ. и уѣзда с. Лаптево Ростислава тоже стараниемъ священ. Михаила Архангельского церковн. стар. Сергея Данкова Феодора Щербакова съ помош. благотворителей“. Во второй строкѣ значится: „Литъ въ заводѣ Московскаго купца Н. Д. Финляндскаго въ Москвѣ въсу пуд. фун.“ (цифры пудовъ и фунтовъ не поставлены, или отпали впослѣдствіи, такъ какъ надпись въ этой строкѣ выпуклая). Подъ второю строкою надписи рельефныя изображенія: 1) Арх. Михаила, 2) Препод. Сергія и 3) Богоматери—Споручницы грѣшныхъ, а между ними три херувима, подъ однимъ изъ которыхъ—rossiйскій государств. гербъ. Въ самомъ низу третья строка надписи: „Господи услыши гласть мой имъ же возвахъ благотворителямъ здравія и душевнаго спасенія подаждъ Господи усопшимъ царствія небеснаго боляр. Алексія Николая отроковицу и. м. и раб. Б. убіеннаго Архиппа Вадима Тимофея Марію Павла Тимофея Евдокію¹⁶⁾.

Въ настоящее время Лаптевская деревянная церковь изъ тода въ годъ приходитъ все въ большую и большую ветхость. Потолокъ по мѣстамъ подбитъ новыми досками, а также и полы пестрѣютъ заплатами. Утверждавшаяся въ куполѣ люстра 28 Мая 1899 года вырвалась изъ своего гнѣзда и упала на полъ. Колокольня, вслѣдствіе ветхости угрожавшая паденiemъ, тѣмъ же лѣтомъ разобрана, и колокола повѣшены на столбахъ. Но взоры всѣхъ прихожанъ съ радостнымъ ожиданiemъ обращаются теперь на выстроенную усердіемъ благотворителей новую каменную церковь, заложенную 7 Іюля 1896 г. Скорѣйшее освященіе этой новой церкви составляетъ теперь на-сущную потребность всего прихода.

Къ числу достопримѣчательныхъ предметовъ храма принадлежать слѣдующіе:

1. Икона Знаменія Пр. Богородицы, старого письма, въ окладѣ XVII в.
2. Икона Св. Николая Чудотворца, съ житіемъ, XVII в. Вѣроятно, современная первому храму.
3. Икона святыхъ съ надписью: С. му. Диодимъ. С. му. Феодора Пре. Публій сты. Геодулъ (?) Пре. Марко С. Ата-

¹⁶⁾ Граматику и орѣографію надписи вездѣ оставляемъ безъ перемѣнъ.

фоподъ (?) Пре. Θеона Пре. Симеонъ Пре. Сербинъ“. Подпись наоборотъ: „1769-го года 5 апрѣля Сей образъ написанный храмостроителя маюра алиссея михаиловича крюкова въ память дня его рожденія—а посли смерти его въ 1829-мъ году 5 сентября предоставить въ цѣрковь покрова пресвятыя бр-цы въ село Растилова.—маюра надежда пименовна Крюкова“.

4. Напрестольный восьмиконечный крестъ, серебряный, вызолоченный. 1780 года.

5. Типиконъ XVII в. Подпись: „.... книга глаголемая каширскаго уѣзду села Растилова церкви Покрова Богородицы а выменилъ по обѣщанію покровъсъкой Попъ тимоѳей стефановъ а подъпісалъ своею рукою.“ Въ концѣ: „Августа 29 дня 1729 году преставися рабъ Божій Степанъ аѳанасьевъ“...

6. Минея, Апрѣль. М. 1750 г. По листамъ: „Сия книга минея села Растилова церкви покрова пресвятыя Бцы.“ Въ началѣ: „1794-го года апрѣля 5 дня тульскаго уезду мстисловскаго стану села Растилова церкви покрова пресвятыя богородицы куплена въ москвѣ въ 173 году а купилъ тоїжъ церкви иерей тимоѳей стефановъ“. Въ концѣ: Федоръ Федоровъ. Иванъ Неклюдовъ. Иванъ Неклюдовъ Тороповъ. 1775 году апреля 11 дня каширскаго уѣзду мстиславскаго стану села Растилова церкви покрова Бдѣцы дияконъ Борисъ Алезеевъ и подписался своею рукою.

7. Минея, Іюнь. М. 1750 г. „Сия книга минея села Растилова церкви Покрова пресвятыхъ Бцы“. Въ концѣ: „Федоръ Федоровъ. Иванъ Никоновъ. 1754 году декабря 6 дня преставися раба Бжия Феодосия Иванова дочь карпова жена проковъя Игнатовича.

8. Минея, Іюль. М. 1750 г. „Сия книга минея села Растилова церкви покрова пресвятыхъ Бцы“. Въ концѣ: „Федоръ Федоровъ. Елисей Волковъ“.

9. Пентіостаріонъ. М. 1759 г. „Сия книга глаголемая пентіостарионъ церкви покрова пресвятыхъ богородицы села Растилова куплена на церковныя деньги 1760 году генваря въ первыхъ числахъ“. Въ концѣ: „пе іконника“. Василей Федоровъ“.

Тула. 19 Августа, 1901 г. Дозволено цензурою.

Цензоръ Протоіерей Георгий Пановъ.

Типографія И. Д. Фортунатова, въ Тулѣ.

